

Под знаком Орла

**ВИКТОР
ДРОННИКОВ**

ББК-84(2p)6
Д-75

Редактор-составитель **Владимир Переверзев**
Художник **Николай Силаев**

Дронников В.П.
Д-75 Под знаком Орла. Избранные произведения. – Орёл:
Издательство “Вешние воды”, 2009. – 378 с.

ISBN 978-5-87295-233-6

В новую поэтическую книгу большого русского поэта Виктора Дронникова (1940–2008) вошли стихотворения и поэмы, созданные за полвека творческой деятельности.

Сегодня нет сомнений, что он был одним из лучших в поколении, в блестящей поэтической плеяде, которая обозначила, может быть, последнюю связь между серебряным веком и современностью.

Виктор Дронников родился и жил на Орловщине, во все века сказочно богатой талантами. Средняя полоса России воистину стала для него неисчерпаемым источником вдохновения. В последние свои годы он работал всё напряженней и строже, создавая одно за другим произведения, достойные войти в любую поэтическую антологию русской классики. На страницах его книг отпечатались самые горькие потрясения эпохи, но более всего – нежность и любовь.

ББК-84(2p)6

© **В.П. Дронников, 2009.**
© **Издательство “Вешние воды”, 2009.**
ISBN 978-5-87295-233-6 © **Макет-оригинал – А.П. Литюга, 2009.**

“Имя твоё любить...”

Никогда не закрывал за ним двери. Мы выходили вместе. Обычно спускались с Пролетарской горы до подвешенного моста у Богоявленской церкви. Или шли до часовенки с мозаиками святых, за мостом. Здесь с четверть часа еще говорили...

Год назад, кажется, весной, потоптавшись у часовенки, он показал мне вниз, на свои туфли, и сказал:

– Хорошо сидят!.. Как твои у тебя?

– Обычно. Сидят как сидят.

Он усмехнулся.

Через сутки я обнаружил, что хожу в дронниковских туфлях. Не заметив того, мы поменялись с ним. Позвонил ему.

– Там, у церкви, когда спрашивал, ты уже знал, что поменялись?

– Может, и знал. Да в твоих так мягонько было... Ладно... Приходи, забирай!

Пришел. Туфли стоят свеженачищенные, у порога. А рядом ком грязи.

– Дай веник, замету...

– Не-ет... Твоя, Толя, земляца, твоя, святая...

...Через год...

Через два часа после его смерти...

По просьбе Аннушки я вышел купить ему туфли в гроб.

Попросил сорок первый. Сел на пуфик. Примерил с легким ознобцем... Жмут. Нет, нужно на размер больше. Прощелся. Вот так, теперь один к одному. И мягонькие. Чуть, может, Витя, будут тебе великоваты, пробормотал я. Да тебе там не ходить. Летать там тебе, Витя... Дома у него:

– Ой, Толя, ой!.. А не тесны будут?

– Нет...

Я вслушался в ее голос. И тут же услышал его...

“Голос у нее, как у певчей птицы. Есть такая птица, которая последней поет, когда уже весь лес смолкает. Имя ей – зимородок”.

Он весь был в метафоре, в слове.

Как куст – в листьях и в бутонах.

Я любил его слушать.

Любил на него смотреть.

Через день. Не умел понять, зачем над этим прекрасным лицом завинчивается крышка гроба. Смыкается земля. И падают, падают на нее цветы... Так много...

Он всегда дивно писал.

И все-таки. Тем не менее. С каждым годом он писал лучше.

Как если бы с поэтом вживе случилось то, что мы называем преображением.

Уже с десяток лет назад я почувствовал... Стихи его приобрели иное качество. Они оставались теми же и стали другими. Это едва уловимый переход. Здесь столь тонкая грань, что она кажется невозможной. И столь же трудно было найти определения для его стихов. Ибо определения эти пребывали где-то уже за чертой сознания. Как и сами стихи. И уже все эти последние годы я жил в тихом испуге, в тихом страхе за него. Что дальше?.. Поскольку за этим переходом и этим совершенством поэзии, казалось, уже ничего не может быть, совсем ничего, только воздух и свет...

Придешь ли? Шепнула: – приду...

Прокравшись сквозь темные сени,

Я ждал её в майском саду –

И вот она вышла из тени...

Чуете? Эту почти бесплотность стихов? Эту почти невесомую языковую ткань их? Эту почти незримую, коей они скрепляются, строчку? Невольно является мысль о некой нетварной природе стихов.

В самом деле.

Кто этот мир? И что мы сами?

Перетекают жизнь и смерть...

О, если б Божьими глазами

Хоть раз на землю посмотреть.

Ими, Божьими, он и смотрел уже.

Ты знаешь, мне грустно, что я отлучен от природы...

Я где-то не с нею, я где-то поодаль стою.

Не я же, не я на краю золотой непогоды

Кричу над водою и белыми крыльями бью.

Он, он...

Вот это – отлучение от природы. И – страстный порыв к единению с нею, обретению себя в ней, и ее в себе – есть мотив (“Я не знаю, отчего так остро взглядываюсь в листья и цветы”), стержень и столп веры его поэзии и, полагаю, самой жизни Виктора Дронникова как поэта и человека.

В последние годы вместе с благоговением перед дольным миром в его стихах явилась щемящая грусть о нем, смиренность перед ним и – пушкинская гармония.

Как часто он мне говорил: “Толя, мало одной жизни любить Россию!”

Россия – второй столп, его неутихающая боль, любимая, жена до гроба... Перед смертью он рвался писать стихи об Абхазии и Южной Осетии.

Как же его самого не любить всякому русскому... И не русскому, кто сердцем прикипел к России.

Гармонию он обретал в нескончаемой муке. Через трагический опыт личной жизни. За счет титанической духовной работы, которая в нем никогда ни на час не прерывалась. Посредством судорожно бившейся в нем, буквально – разьедавшей его мыслительной деятельности. Нередко случалось, что он просыпался ночью от озарений.

По духу и складу своему Виктор Дронников – мистик. В лучшем, в святом понимании этого слова.

Это, может быть, еще не скоро, но те, кому дано понять, поймут...

Как часто я твердил иные из его строчек, обладающих странной магией, почти неземной силой внушения, гипнозом. “Трава на могилах пустых От ужаса зашевелилась...”, “Сизый мох от прямого света, Словно волчий подбрюшный мох”, “Опустили красный гроб, Полетели комья градом. Далеко пошел озноб По деревьям и оградям”.

“И молитвой застигнутый сладкой, Думал он, освещаясь во мгле, Что со смертью мгновенная схватка Длится дольше, чем жизнь на земле”. И эти строки я повторял: *“Я шепчу одну молитву: – Витязь мой, не умирай!”* И если он говорил: *“Я чувствую ночью глазами, Как около ходит судьба”*, – я знал, что это так.

Он что-то такое знал, чего не знали мы. Он умел видеть сквозь вещи. Взглядом проходить сквозь материю. Созерцания, которым он предавался, его любования светом воды, мхов, переливами света в оперении птиц или его игрой на куполах храмов и в венчиках цветов, носили, если не колдовской, то определенно ясновидческий и вместе с тем некий почти научный, предметно-метафизический и, я бы сказал, исторический характер. По блику, тени, частности он умел вытянуть и взять свое, целое, выхватить историю и судьбу... Птицы, человека, космоса. Народа и страны. Во всей их протяженности и объеме. Он, казалось, знал тайну всего живого. На земле. И за ее пределами.

И, конечно, мертвые не были для него мертвыми. Они были живыми. Он умел общаться и разговаривать с ними. Сквозь пласты земли и времени. Русь для него была единым целым. Так сейчас он разговаривает оттуда со мной. И со страной. Я чувю.

Дух его при жизни так часто уносился в сферы высоких тонких энергий. Теперь он весь там. Душа его как бы перетекала вслед за взглядом. Он был вечным странником. Он словно путешествовал в энергетических токах вместе со светом, в качестве некой эманации, залетая в бездны с пучками лучей, в родные закоулки, в тьму садов. Так Иисус ходил по земле, не касаясь её, по воде и воздуху. Он многое в своих путешествиях услышал и подсмотрел.

В конце концов он собрал эти услышанные им звуки – колокольчика во ржи, пчелы над медогонкой, эти запахи – настоя сирени, вербы горчичную отцветь, эти сияния в один поэтический сосуд. И подъял над собой и миром.

Любуйтесь! Впивайте! Пейте! Дышите!

В самом деле. Он принадлежит к тому типу людей, которые в состоянии объяснить миру, что такое Божий и, в частности, Фаворский свет.

Перечитывая его стихи и думая о нём, я вновь и невольно для себя припоминал труды Григория Паламы и Дионисия Ареопагита, которыми упивался в молодости, отцов и учителей Восточной церкви, поставивших свет в центр Вселенной.

Сейчас полагаю. По существу. Разница между ними и им лишь в том, что, – как русский, – поэт не любил отвлеченностей. Любовь и Благодать, которые он обретал, были предметны и зримы. Свет образным. Свет – синтез его поэзии. Если поэзия – жемчужница, то свет – самый жемчуг, рассыпанный в его стихах. Самое дорогое сокровище. Им пронизана и просвечена вся его поэзия. В этом слове – ключ к пониманию того, что он делал и чем занимался. С наибольшей пронзительностью сказал он о свете в стихотворении “Божии старцы”.

*Уже исполняется Божий Завет:
Архангел трубит за плечами,
И Божии старцы проходят сквозь свет,
Сияя святыми очами!*

Из настоящего стихотворения вытекает и еще одна, могущая показаться не бесспорной, мысль. Но для тех, кто знал его близко, она очевидна. В своих духовных исканиях он опирался на православие. Одна из его книг так и называется: “В пречистом сиянье”. Самые стихи его, многие из них, звучат, как молитвы: “*Мать Мария, Великая Мати, Да святится дыханье твое!*” Дронников – православный поэт. И это также непреложно, как и то, что он и сам обладал внутренним светом.

Отнюдь не случайно, что отец Константин, священник церкви Михаила Архангела, что в Орле, причащавший поэта Святых Тайн, и игумен отец Кирилл, настоятель храма Святителя Николы на Берсеневке, навещавший его в больнице в Москве, оба привязались к нему, прилепились душой... Также, как и он к ним...

Между тем. Сошлюсь на Павла Флоренского, который оставил нам не одно бесценное завещание. Вот что он сказал: "...святость и свет какими-то таинственными узами связаны между собой в человеческом сознании, и об этом кричит весь orbis terrarum", то есть вся земля.

Что мне к этому еще добавить?

За два последних века Россия подарила миру когорты блестящих поэтов. На пальцах обеих рук не перечесать любимых мною имен.

Но есть священный для меня ряд. Который восходит к Пушкину. Фет. Бунин. Есенин. Рубцов. Сегодня я вплетаю в этот душистый венок имя Виктора Дронникова.

Речь вот о чем. Объясню. Новаторство названных мною поэтов не менее глубоко и масштабно, а на поверку более, нежели бросающиеся в глаза революции, то и дело производимые в поэзии у нас инородцами. Дело просто. Новаторство это столь естественно и органично, что не ощущается на глаз и на ощупь. Оно растворено в ткани стихов. Это то, что называется высшим пилотажем. Вперед же выступает и тем очевидней традиция, чистый, словно нетронутый временем – со времен "Слова о полку Игореве" – сбереженный родной язык. Неизъяснимая прелесть его сочетается с простотой слога. Пронзительность с душевным теплом. Очаг, Отечество, Родина, родные святыни – соль и кровь, субстанция русской поэзии. Русский пейзаж, поле и лес, река и омут, околица, колодец, березка, кленовый лист – непременные её атрибуты. Такая поэзия по незримым сосудам поступает прямо в кровь народа. Она задевает и трогает каждого. Она вызывает восхищение у знатока и ценителя поэзии, набившего оскомину на всяческих изысках. И ею наслаждается простой люд. Её чтят цари и властители. Она в котомке у калик перехожих. Она передается изустно, из уст в уста, по всей России. Народ всегда возвращал сторицей Виктору Дронникову – любовью. Он был признан при жизни. Виктор Дронников в лучшем понимании этого слова – народный поэт.

И, наконец, из всех обозначенных мною смыслов с неизбежностью вытекает следующий.

Виктор Дронников до мозга костей – русский поэт.

Поэзии его в высшей степени свойственно то, за что ценится русская литература по всему миру.

Она саднит.

Она вызывает слезы.

Здесь и в этом наше очищение.

Чтение его стихов, словно исповедание.

Им созданы такие шедевры русской поэзии, как “Витюнь”, “Моление о витязе”, “Божии старцы”, “Ты слышала? – ночью кричали пролетные птицы...”, “Затонувший корабль”, “Лодочник”, “Похороны в грозу”, “Опять, как в семнадцатый год”, “Какое счастье – совпадать...”, “Кожанка”, “Хочешь знать, отчего мне тревожно”, “Какой-то странный звук поднял меня с постели...”, “Приметы”, “Шум”, “Ночная вода”, “Бабочка”, “Придешь ли? Шепнула: – приду...”, “Люблю! Люблю! Целую руки”, “Смерть соловья”, “Схватка”, “Пес и художник”, “Волк”, “Облава”, “Бега”, “Сказка”, “Птичий повелитель”, “Ворон”, “Змея”, десятки и десятки других превосходных произведений.

Тончайшим лириком России назвал Виктора Дронникова его учитель и друг, ставший классиком при жизни, поэт Владимир Соколов. Николай Рубцов, старший товарищ и однокурсник по литинституту, подписал ему книгу с чуть ироничными и, однако же, не случайными стихами: “Гений гению...” От Юрия Кузнецова он получил в дар – зингеровскую печатную машинку...

Поэзия, как и вообще культура, угасает только с угасанием народа, её носителя. В ком же ей еще говорить!?

В цветении России и ее народа – цветение и бессмертие поэта.

Ну вот. Я расставил те акценты, которые считал нужным и необходимым расставить. Теперь мне легче. Теперь я могу позволить себе некоторое расширение.

Возможно, если сложится, я напишу небольшую книгу о поэте. Но сейчас трудно. Больно. Я не знал, что так трудно писать, нет, дело не в том, что по незажившему, будто по ране ножевой... Не это даже... Личное, близкое, не дается, утаивается... Не желает огласки... Горе в одиночку легче носить... Горе баюкается, горе лелеется... Делиться – невмочь... Знаю, отчего вдовы так замыкаются...

Что его отличало... Любовь, которую он носил в душе... Порой казавшуюся мне какой-то страшной его привязанность – к Аннушке, своей жене, к Оленьке, его дочери, к сестре Шуре, он ее называл ангелом... Три имени. Три женщины. И четвертое имя – матери. Варвары Ивановны. Он был еще молод... Когда она умерла... Две недели он пробыл в забытии. И сам чуть не умер. Иных женских имен он не произносил с таким трепетом. Я думал, когда б он не стал поэтом, он стал бы монахом. Черным. Святым... Вообще же говоря, было в нем что-то от протопопа Аввакума. Та же страсть. Та же преданность идее. И людям, однажды избранным им – в спутники жизни, в друзья, в соратники.

Светом в оконце, матушкой, Аннушкой, звал жену Витя. О ней одной и ей – вся его любовная, верю, бессмертная лирика. Ей, первой, читал он свои стихи. И только одна она способна была удержать его в границах жизни, когда ему, случалось, было очень трудно...

Это человек невероятной, не постижимой для меня силы искренности... В Москве в больничной палате, когда он уже дал согласие на сложнейшую операцию, отдавая себе отчет в том, что может умереть прямо на столе, он попросил дочь Олю: “Можно я тебе положу головку на плечи?” – “Конечно, папа!” Он положил и застыл так... “Погладь меня, Оленька...” Она гладила его по коротким уже, стриженным после химиотерапии, белым, как пух, волосам. А он стоял и плакал. Беззвучные слезы катились по его щекам...

Оленька, его дочь – красавица, каких свет не видывал. Красоту она переняла от матери. От Вити, от отца – солнечность.

Я был потрясен этим рассказом, услышанным мною от Аннушки. Мы не способны на такую искренность и открытость.

Он нередко плакал.

Прошлым летом в Селихово, где он два десятка лет, как Сизиф, возводил себе дом, он призвал меня в зал к проигрывателю. Усадил в кресло. Поставил пластинку. Опустил иглу на крутящийся диск. И сам сел. С первыми звуками шалыпинского голоса охватил голову руками, как бы отгораживаясь от мира и весь переходя в слух. Через минуту стал тихо раскачиваться и тихо плакать. Он слушал так и плакал все две стороны пластинки, прервавшись только раз, чтобы поставить ее на обороте. Сила его сопереживания была такая, что целиком передалась мне. Я как бы впервые услышал и **так** почувствовал Шаляпина, так страшно. Как самый трагический, самый мощный, самый выразительный и трогательный голос на всей земле и на все времена. Для него как для поэта вообще были характерны подобные экстатические состояния. Больше того, он умел внушить и передать другим свои чувства. В жизни. Поэтому с ним было так хорошо и интересно. Но самое дивное – эту силу и искренность, эту пронзительность Бог дал ему выражать в стихах. Так просто такие стихи, какие были у него, не рождаются. Прежде их нужно расслышать и в себе пережить. Для этого должно обладать чувствительнейшими антеннами, почти бескожестью, детскостью природы, когда любой звук, любой шорох, любая картина могут вызвать в тебе озноб, страх, восторг. Конечно, в обыденности он прятал эти свои чувства, утаивал их, не подпускал к ним чужих. Для этого был слишком раним. До болезненности. Все его слезы знала только Аннушка... Редко, но иногда он открывался близким друзьям.

Чудно. Вместе с тем. Он обладал сильной волей. Без воли, упорства, сопротивляемости, большой внутренней силы вообще не может быть большого писателя. Бог щедро ему отпустил, однако столько набросал в этот тигель,

что он порой напоминал вулкан. Вулкан этот, как Витя его не забивал, в любой миг мог заговорить... Конечно, он не был ни простым, ни однозначным человеком. Тем более, впрочем, бросалась в глаза деликатность и смиренность, которую он проявлял в общении. Вообще внимательность его к людям порой была безмерной. Господи, как он, случилось, обхаживал меня или Павла Кирсанова, Юру Оноприенко, как сиделка, с какой трогательностью и заботой...

Из вышеупомянутой внутренней онтологической силы вытекала третья черта его характера, которую бы мне хотелось выделить в нем прежде других. Это – его бесстрашие. Безбоязненность. И в первую очередь бесстрашие метафизическое. Поэзия, если это явление, это и подвиг духа. Ибо поэзия, если говорить по существу и по большому счету, есть овеществленная в языке метафизика, не просто чувственный, но и сверхчувственный опыт. И – эксперимент. Дух, мысль не должны бояться. В своем вживании в бытие они переходят ту черту, ту границу, за которыми нередко стоит – инобытие, небытие, или ничто, пользуясь сартровской терминологией. Где тонко, там и рвется. Дронников нередко ходил по ту сторону света. Там ходить страшно. Даже только чисто духовным усилием, даже только посредством духовной левитации. Можно с ума сойти. Бесстрашным был Фет. Как это ни парадоксально звучит. Поэтому он сказал о природе и человеке то, чего до него никто не говорил в мире. Бесстрашным был Дронников. Боже, сведи их там вместе!

В общественной жизни это – гражданская позиция.

В человеческом обетовании – это правда, которую отстаивает и которой не боится художник.

В быту, на улице, в чисто житейском смысле – это неуступчивость перед обстоятельствами, которая, случается, ведет к печальным последствиям, иногда к безрассудству, чреватому жизнью.

Поэт дважды тонул в Оке. Десятилетии лет его вытащили рыбаки бреднем. В другой раз, в солидном возрасте, провалился под лед, когда решил пройти уже по тонкому

льду через Оку к дому. Его спас его знаменитый черный плащ, который надулся под ним. И он, ободрав руки в кровь, выкарабкался на лед.

Вообще он нередко по жизни шел, как по тонкому льду.

Я писал уже об этом. Его убивали. Ломом – в темя. Как-то он нагнулся ко мне, показывая толстый красный шрам от удара на темени. В свою очередь я принагнулся. И показал ему свой. Тогда он снял с себя и надел на меня крестик... Оловянный... Но для меня не имевший цены...

Последняя отметина судьбы – пробитый на фалангу пальца – висок. Как он долго у него зарастал...

Наконец, страсть к общению. Что-то нечеловеческое было в этой его неумной тяге разговаривать с другим человеком. Он мог говорить по шестнадцать часов кряду. И отходя ко сну, засыпая, продолжать бормотать во сне... В общении сказывался его дар перевоплощения. Бомжи, бандиты и урки; контрразведчики, милиционеры (конкретно, скажем, среди них был начальник МУРа); актеры (из этих вышел, принимавший его у себя на дому, министр культуры – в первые годы перестройки), академики, священники, главврачи, лесничие, и так далее, и тому подобное, все, с кем сводила его жизнь, разговаривали с ним, как со своим... И сам он никого никогда не чурался. Больше того, он привечал этих людей. Всякая другая душа для него представляла живейший интерес. Я нередко присутствовал, уставал, скучнел и маялся. Его же невозможно было оттянуть от собеседника. Через годы он мог сказать, помнишь, как говорил тот-то и тот-то... Я полагал, из него вылетало... Нет, каждый разговор четко и надолго, если не навсегда, врезался ему в память. В нем было то, что мы зовем соборностью. В нем жило, сохранялось и приумножалось то, в чем сердце и душа русской церкви, – живое предание...

Многим, нередко случайным людям, он помогал. За девочку-студентку, которой не на что было поесть, просил у ректора ОГПИ, чтобы назначил стипендию. За односельчан относительно газа – у губернатора. Журналисту одного

из райцентров выхлопотал однокомнатную квартиру. Половина орловских писателей принята в Союз по его рекомендации. Не все могли взять на себя такую ответственность.

Также же точно, простите, привечал он – бездомных собак... Не гнал от себя и терпел назойливых, не дававших спать по ночам голубей, поселившихся у него в Селихово в вытяжной трубе газового отопления. Зимой подбирал птиц с отмороженными лапками, дул в клювики, отхаживал. Синичку, невесть как залетевшую к нему в окно и застрявшую между оконными рамами, которые были глухо заделаны, вызволял, нежно разговаривая с нею.

Это было у Вити в норме и в порядке вещей – разговаривать с птицами, с деревьями и цветами. Обращался он к ним по именам, которые сам давал им. “Здравствуй, Настенька!” – говорил молоденькой сосенке по утрам, чуть касаясь ее и отряхивая от дождя отяжелевшие за ночь ветки. Подружку ее называл Алёной. Тую величал Барьней.

Вообще говоря, птицы, деревья, травы, бабочки и цветы – это отдельная, полновесная глава. Росой и мёдом напоена его поэзия. Птицы – самозабвенная его любовь. Мы много бродили с ним по Орловскому Полесью. По селиховским рощицам и полям. Часто он останавливался. Вслушивался в их голоса. Растолковывал мне, что такое колена и трели, флейтовый свист, аккорды, щебет и щелканье птиц. Какие у птиц бывают оплечья, что такое шапочка и хохол... Соловей, дрозд, щеглы, снегири и зимородки... Он таял от одних названий их. Они перелетают в его стихах, со страницы на страницу, с листа на лист, словно в лесу. И поют. И свистят. Оттого и сами стихи его так голосисты и звучны. Так воздушны... И будто стремятся на поле и в лес...

В детстве он был птицеловом. То, что попадалось в силки, относил на базар. Выручку – матери, на хлеб. “А так хотелось отпустить их в сад!” – исторгалось из него, словно рыдание.

Не могу не сказать. Ворон. Тот же дрозд. Иволга. И даже коростель. Птицы из другого разряда. Так он мне говорил.

Птицы пересмешники. Птицы, которые своим криком могут вызвать озноб. От крика которых можно поседеть. “Толя, ты знаешь, что дрозд может имитировать даже стенания воплениц!” Я не знал. Я и сейчас в ужасе. Ибо сказал он: “Представь пришествие этих птиц!” Вот почему: *“В полночь птица к нему прилетела... – и – Стала хлеб его белый клевать...”*

Дом в Селихово. И – сад.

Ёлочки вместо заборчика. Заросли физалиса с рдеющими сквозь листья коробочками. Высоченные липа и клен. Деревья сошлись в верхушках. “Заневестились, Толя!” Туя, кедр, кипарис, лимонник. Куст вьющихся роз. Конечно, это владения Аннушки. Но и она тут словно одна из роз.

Чуть в глубине под березой улей с пчелами, вылетающими из летка. Подле стола с навесом, срубленного Витей, – в человеческий рост огненный, не терновый, но словно несгорающий куст ошеломляющих глаз хохлацких цветов (без названия, а если точнее, в народе такие цветы называют растрепую-барыней), из Никополя. “Это от Оленьки и Виталия!” Виталий – зять Вити, так много, так много сделавший для него. Цветы повсюду. Кусты пионов. Рассыпанные там и здесь белеющие ромашки. Темные шапки георгинов. Астры. Холодноватые маргаритки. На грядке с огурцами. Между подвязанными рядами чеснока. Между гнездами помидоров. Между валунами оранжевых тыков в глубине участка. Под сливами и сосенками вдоль ограды. По периметру всего сада – календула, словно золотое обрамление сада.

Позади стола – колодец. И дальше сбоку от дома – беседка, увитая диким девичьим виноградом – стеной до земли. Вместо стола там бревнышки. Там Витя читал мне стихи, которые ему приснились ночью. “Так чудно! Я писал, Толя, во сне”. А над нами – щебет синиц. Воркование голубя. Стрекот сорок. И вдруг – тихий и нежный свист! “Малиновка!” Птицы без усталости, птицы всегда, и сейчас, в этом саду поют.

Лет двенадцать ему было. Спал на улице под сиренью возле копны с сеном. Проснулся, будто от толчка. На самой заре, в легких и тихих сумерках. Видит – метрах в пяти, словно призрак, – дева, вся в белом. Вот она идет к нему, едва касаясь земли. Видит он, необыкновенной она, какой-то *неземной* красоты. Всматривается в него... А он недвижим... И вот взгляделась она в него и поднялась ввысь. И растворилась в свете...

Он вскочил, не попадая зуб на зуб. Волосы от страха дыбом по голове. Что было сил застучал в окно: “Мама! Мама!”

Как будто всё еще с тем, с детским, ужасом в голосе спрашивал он меня: “Толя, скажи, что это было? *Кто* это был?”

По неоднократным замечаниям святых старцев, людей божьих, замечаниям, разбросанным в летописях и святых книгах, именно страх этот и этот ужас свидетельствуют о явлении высочайшего порядка.

Не исключаю, что являлась ему Богородица...

Двух лет ему не было... В 42-м году. На заре. На заре. Немцы бомбили Орёл. Он спал в люльке под окнами, закутанный в одеяльце. Взрывом фугасной бомбы напрочь выбило стекла. Мать кинулась к нему. Выпростала из одеяльца. Одеяльце, как сито, всё изрешечено осколками. А на тельце – ни царапинки. Целехонький. Невредимый и живой.

Ангелы стояли над ним.

Они всю жизнь стояли над ним. Они ходили за ним по пятам. И охраняли его.

Верю. Знаю. Теперь эти же ангелы несут его ввысь...

Не удержатъ звезды в ресницах...

Но сколько лет, но сколько лет

Душа сама летит, как птица,

На Божий свет! На Божий свет!

Анатолий Загородний

“Орловская правда”, № 162, 2 октября 2008 г.

С предуведомлением: “2 октября – 40 дней, как не стало тончайшего лирика России”.

Из книги
"Колыбель"

***

Лес мой зеленый,
Укрой меня, беглого,
Я не убил никого.
Дай постоять мне
У дерева белого
Тающей тенью его.

Вот и стою в тишине
По колено,
Вот я и таю в тиши.
Будто бы вышел
Из долгого плена,
Будто бы камень с души.

В заводях дышит вода,
Как живая,
Воздух целуют во сне
Соловьи. Каждое дерево,
Травка любая –
Чуткие нервы мои.

***

Есть в предрассветной тишине
Неуловимое мгновенье,
Когда весь мир еще во сне
И только миг до пробужденья.
Еще нет солнца, но, светя,
Оно уже земли коснулось.
Так просыпается дитя,
Не понимая, что проснулось.

КОСЫ

Мама пол устилала травой-медуницей,
Потолок украшала ветвями березы
И, как память свою, от которой не спится,
Вечеру расплетала волнистые косы.
Расплетала густые свои, расплетала –
Гребень лунно мерцал в золотой повители.
А когда расплетала – и в доме светало, –
И бессонные бабочки в окна летели.
Долго спать не ложилась усталая мама.
Речка светлых волос омывала ей плечи.
Не жалела, что гребень опять поломала,
Не грустила, что вянут зеленые свечи.
Ветка стукнет в окно, вся она замирала:
Все отца дожидалась с войны – не с покоса,
Для него по пригоркам траву выбирала,
Для него берегла венценосные косы.
Наплела ей цыганка – известное дело, –
Что вернется король из казенного дома.
И покуда ждала – голова поседела
И на крыше зеленою стала солома.

***

Сестре Шуре

По глазам туманы – вспомню, да не гляну...
Мама, моя мама, исповедь моя.
Как же не заметил, на каких полянах
Отшумела в сумерках молодость твоя?
Как же не заметил, что, над домом долго
Пролетая, иволги унесли твой смех?
Потому глаза твои вешние поволгли
И, минуя осень, высыпал твой снег.
Годы те горящие опалили ландыши,
Спозаранок ранние вянули сады,
И со свистом ветер снегирей выкашивал
По сугробам, словно майские цветы.
Так случилось, вышло: из метели грозной
Твой хороший – суженый не пришел назад.
И весну минуя, осыпался поздно,
Осыпался в сумерках яблоневого сада.
Горевали горлинки за рекой, за долом.
Отпевали горлинки горести свои.
Только помнят маму вечно молодой
Самые сердечные в рощах соловьи.

***

Давно я здесь не был...
Извилистый берег,
Тропинка болотом
Да кромка небес.
Угрюмый паромщик
Не взял с меня денег,
Отчалил и тут же
В тумане исчез.
Но я не в обиде,
Плыви, флотоводец,
Храни тебя Бог
От случайной беды.
Пусть тусклый фонарь
Продолжает свой танец,
Свой призрачный танец
Над бездной воды.
Здесь угол медвежий
Ночами тревожен.
В нем узки дороги,
Не часты мосты.
Зверье здесь таится.
И будь осторожен:
Кусты низкорослы,
Но страшно густы.
Над лесом созвездья
Черны, как рогатки.
Здесь нежности волю
Давать не спеши.
Давно я здесь не был,
Но чую повадки
Людей и природы
В совместной глуши.

ЛЕДОХОД

На реке ледоход.
Ты права, ты права.
“Ледоход, ледоход”, –
Повторяю слова.

Ведь не зря нынче грач
Так весенне кричал.
Ледоход, ледоход.
Я иду на причал.

Снится лодкам вода,
А полянам – цветы.
Ну, а мне по ночам –
Только ты, только ты.

Ледоход, ледоход,
Завтра стает, сплывет.
Лишь на сердце твоём
Напластованный лед.

Ледоход, ледоход,
Не права ты ничуть.
“Ледоход, ледоход”, –
Третью зиму шепчу.

***

Луг перепутал запахи,
Крепок вечерний сон.
Завтра закосят завидно,
Брызнет на землю звон.
В ночь на Ивана Купала
Бредят дождями леса,
Завтра по сонной купаве –
И-их! – полоснет коса.
А нынче над запахом ягод
Вызрел костер в две зари,
Нынче пораньше лягут
Рослые косари.

ГРОЗА

Аннушке

Июньская, пропахшая озоном,
Земля в зеленом парилась плену.
Стрижи озоровали и со звоном
Вонзались в грозовую тишину.
А я спешил домой с букетом ландышей,
По всем приметам чувствуя беду.
Как будто в черноту рояля клавиши,
Березы погружались в темноту.
Вдруг спичкою неистовая чиркнула
По небу отсыревшему гроза.
И сквозь ладони ошалело вскрикнули,
Как сквозь деревья, девичьи глаза.
А молния сверкала над обочиной,
Над девушкой испуганной, босой,
До писка комариного отточенной,
В полнеба занесенною косою.
И, бросившись вперед, под ливнем пляшущим,
Глаза прикрыв от вспышек рукавом,
Я и застал ее, в колени плачущей
И ничего не видящей кругом.
Я рядом сел на вымокшие травы.
“Вам холодно? Возьмите мой пиджак!
Ну, успокойтесь, милая, ну, право,
Ну ради Бога, ну зачем вы так.
Ну, ладно, ладно, ладно же...”
Я сам не понимал, что говорю.
“Вам нравятся, скажите, эти ландыши?
Берите, они ваши, я дарю”.
Гроза прошла, лучи, с росой аукаясь,
Ударили по клавишам берез.

И девушка, наполненная звуками,
Махала мне, взбираясь на откос.
Июнь, до капли в солнце утопая,
Вытаивал зеленые сады.
И радуга, как девочка босая,
На ощупь выходила из воды.

ЛОДОЧНИК

К нему не ходят на постой,
К нему ходить невесело.
И дом обходят стороной,
Страшась его профессии.

Он не был баловнем судьбы,
Живет один, как демон.
Он нынче делает гробы,
А раньше лодки делал.

Бывало, ночь дохнет грозой,
Всё вымрет в околотке,
И только он на чей-то зов
Отважится на лодке.

Но как-то местным подлецом
Был тайно оговорен.
И в ночь глухую под крыльцо
Подъехал “черный ворон”.

Никто не знает, где он был,
В каких краях болотных.
Одно лишь знаю, что гробы
Он делает добротню.

От той поры у старика
Осталась эта странность:
Когда вскрывается река,
Он запивает страшно.

И долго мается тогда,
Как будто что-то ищет.

Всплывают в памяти года,
Как лодки кверху днищем.

К стакану тянется рука,
А губы шепчут кротко:
– Вот посветлеют берега,
Подамся делать лодки.

***

Мы прозвали его,
Тонконового, Чалым,
Говорили ему
Все ребячьи слова.
Но в глазах его, теплых,
Весенних и шалых,
Облака отражались,
А больше – трава.
Мы кормили его
Земляникой и редькой,
Он в ночном у костра
С нами вместе лежал.
Если крепко мы спали,
Случалось нередко,
Чтобы нас разбудить,
Он потерянно ржал.
И потом мы бежали
К реке между ветел,
Где зарю по-цыплячьи
Проклюнул тальник.
Он летел, как струна,
Бросив за спину ветер,
И, конечно, летел
Впереди остальных.
Мы купаву совали ему
И купали.
Щекотал ему ноздри
Пахучий туман.
Только губы его
Отвергали купаву,
Норовили кому-нибудь
Ткнуться в карман.

Я уехал потом,
Только помню, зазывно
Так он ржал и бежал
По осеннему льду.
Я поклялся тогда,
Что ему в магазине
Самой лучшей работы
Уздечку найду.
Тосковал я о нем
Каждый день, каждой ночью,
Но однажды
Совсем занемог.
Написала сестра мне в письме
(Между прочим):
"Знаешь, Витька,
А Чалый твой сдох".
И теперь, когда сердце
Кольнет беспокойно,
Уезжаю в деревню,
Поближе к луне.
Ходят теплыми травами
Смирные кони,
И кричат перепелки
В густой тишине.
Млечный Путь в луговину
Упал, как уздечка.
С замиранием в сердце
Взойду на обрыв.
Может, Чалого ржанье
Отзовется за речкой,
Словно детство,
На тихий призыв.

СОЛОВЕЙ

В бездорожной глуши свет избы деревянной
Предстает, как мираж для заблудших людей.
В ней живет человек, непонятный и странный,
С удивительным прозвищем – Соловей.

Синеокий, как дым, со спокойным величием,
Житель дебрей тревожных – старик Берендей.
Кто его наградил этим званием птичьим,
Если в здешних местах не живет соловей?

И вокруг ни души, лишь ночные причуды.
Если сбился с дороги – к избе его след.
Соловей, Соловей... Кто такой он, откуда?
В самом логове тьмы объявился на свет!

Деревянный порог осенен, осиянен,
Словно мыслями леса, осенней листвой.
“Эй, хозяин, откликнись!” И выплыл хозяин,
Освещенный березами и сединой.

Ничего не спросил, ничего не ответил,
Только свет устоявшийся расплескал
Да небритой щекою потерялся о ветер,
Будто сам приласкался и меня приласкал.

И вздохнула изба, и откликнулся ельник,
И листвой сыпанул бересклетовый куст.
Соловей, Соловей, синеокий отшельник,
Что сорвется с твоих удивительных уст?

Только я не спросил, посчитал за проступок –
Человека тут жадно, как дождика, ждут.
Видно, в здешней глуши, соловьям не доступной,
Одиноким людей соловьями зовут.

СОПКА

Когда восток алеет,
Ясно вижу я:
Она стоит, как в стойле,
В облаках.
Она, как лошадь,
Эта сопка рыжая:
Восход –
Седлом на взмыленных боках.
А по ночам
Она пасется в небе.
В ребристой гриве
До утра – луна.
Я у подножия её
Ни разу не был.
Уж очень
Неприветлива она.
По-азиатски
Дикая и злая.
Ей не нашлось
Хозяина пока.
Собаки на нее
С опаской лают –
Страшат их
Известковые бока.
Но все ж однажды подойду
К ней ближе я.
И, свой давнишний
Страх переборов,
Как лошадь,
Уведу я сопку рыжую
В свой край приокский
К пастбищам коров.

По нраву ей придется
Наши тропки
И зеркала кувшинчатых протоков.
Но только часто-часто
Будет сопка
Тоскливо ржать
Утрами на восток.

***

Дед свои тайники
Проверял до зари.
Но пустые с реки
Приносил кубари.

Для просушки их вешал
На ракитовый сук.
И ворчал: “Эка леший,
Рыба вывелась, внук”.

Только видел всегда я,
В полночь светом полна,
Как в ловушку седая
Заплывала луна.

А как деда не стало –
Холм земли на погосте,
И луна перестала
Приходить ко мне в гости.

ДАВАЙ ЗАНОЧУЕМ В ЛЮБАНИ

Послушай меня, послушай,
Давай заночуем в Любани.
Под головы вместо подушек
Положим густые туманы.

И, будто дороже нету
На свете теплой земли,
Застелим гортанным ветром
Жесткие ковыли.

Полночная тишь будет падать
В расширенные зрачки,
И наш непокой за падью
Копытами простучит.

Забудем про все, забудем,
Какого столетья сыны.
И в наши славянские груди
Ворвутся раскосые сны.

И будем мы в седлах гордые
К гривам коней припадать,
Эх, золотые головы,
Вам рано еще пропадать!

Еще не остыли подушки,
Невесты теплы губами.
Послушай меня, послушай,
Давай заночуем в Любани.

***

Тетя Люба, наша уборщица,
На работу приходит рано.
Первым фикус напьется, умоется,
А потом – запотевшие рамы.

Пол помоем до самых порожков.
Всем дорожкам устроит трепку.
И на видное место положит
Оброненную кем-то трешку.

Уберет кабинет начальника,
Соблюдая привычный черед.
Дно почистит курносому чайнику
И привычно портреты протрет.

Одинокий он сам, начальник,
Часто просит оставить ключи.
И задерживается ночами:
Пишет что-то, курит, молчит.

Тетя Люба давно это знает,
Как одной горемычить ночь.
У самой третий год в Казани
На учительшу учится дочь.

Вот вчера на пальто зарплату
Отослала ей вместе с письмом.
А сама положила заплату
На состарившемся своем.

ПАЛ ПАЛЫЧ

Он любил цветы
Самозабвенно.
Только этим счастлив и богат.
И никто, скажу вам откровенно,
Из ребят к нему не лазил в сад.
Нам тогда был чуждым
Свет фонарный.
Обходились без него, как встарь.
Но горел в слободке благодарно
В честь его единственный фонарь.
Не посмела б взять его
Разбоем
Самая шальная голова.
Так уж сговорилась меж собою
Наша довоенная братва.
Сколько маков
Распускалось за ночь.
Ни один до срока не отцвел.
Грянула война. И наш Пал Палыч
Рыть окопы за город ушел.
Голосили громко бабы:
"Господи!".
Накрывались плачем с головой.
Привезли безногого из госпиталя
Нашего волшебника домой.
Сел он
На расшатанном порожке,
Что еще от солнца не остыл,
Уронив клинастую бородку
На простой с подушечкой костыль,

А в саду
На тонких ножках гнулись
Пыльный мак, седая резеда.
В этот день мы в детство не вернулись,
Не вернулись больше никогда.

ЦВЕТЫ

Когда взойдет из темноты
Звезда лугов высокая,
Я принесу тебе цветы
И положу под окнами.

Я положу их и уйду,
Чтоб ты меня не видела,
Чтоб тишина мою беду,
Шагов моих не выдала.

А ты, проснувшись на заре,
Потянешься, как неженка,
И вдруг увидишь, оробев,
Тревожные подснежники.

И будешь ты удивлена –
Ну кто бы мог нагрять!
Переберешь все имена,
Пока цветы завянут.

***

Я спал в зеленой колыбели
У птичьей песни на краю,
Когда железные метели
Закрыли Родину мою.

Свинцовых струй вражда слепая.
Цветов кровавая купель.
Мать. Мама. Девочка седая
Мою качала колыбель.

Прошла гроза, и вслед за громом
Над вешней Родиной моей
Всем существом, зеленым горлом
Ударил ранний соловей.

Как будто пел за всех пропавших
У птичьей песни на краю...
Как чутко древний свет ромашек
Овеял Родину мою.

***

В тревожный час,
В минуты потрясений,
Когда на землю опадает мгла,
Я с головой ныряю
В сад осенний
И слушаю его колокола.
Они звонят, звонят
О чем-то прежнем.
Мне чудится нашествие врагов.
Мне слышится
С туманных побережий
Монгольская распутица шагов.
Враги ко мне
Все ближе, ближе, ближе,
Слились их тени
С тенями камней.
Со всех сторон,
Со всех сторон я вижу,
Как чьи-то руки
Тянутся ко мне.
Носить, носить
По мне России траур,
Дурнеть моей невесте
До поры.
Сейчас, сейчас
Я окровавлю травы
Под черный свист
Батыевой стрелы.
Уже трещит
Береговой кустарник.

Я не выдерживаю,
Яростно кричу,
Топчу с остервенением татарник...
И вдруг, очнувшись,
Слышу, что молчу.
Молчу, молчу,
Чего-то опасаясь.
А по земле,
В предчувствии беды,
Покой холмов священных
Сотрясая,
Звонят, звонят
Осенние сады.

Из книги
"Земля-кормилица"

***

Вот облака летят сухой грядой.
Хочу понять я тайный знак природы,
Не в том, в чем мы различны меж собой,
А в том, какие нас питают воды.

Вот дерево зеленое стоит.
Мы тени одинаково бросаем.
И дерево шумит во мне, шумит,
И в дереве я тоже осязаем.

Хочу понять я жизни торжество,
Не в том ее загадочном уходе,
А в том, какое у меня родство
Со всем, что отзывается в природе.

***

Листва берез светлее воска,
Хранит последнее тепло.
Но звонких заморозков войско
Границы лета перешло.

И пруд рябинами просвечен,
И в низких тучах больше тьмы,
И далеко видать под вечер
Костров высокие дымы.

Уже в полях быстрей темнеет.
Рябит сорока, как верста.
И солнце медленно скучнеет
В прожилках позднего листа.

Шла девочка слепая по цветам,
А девочке казалось – по дороге.
Не оставляли за собой следа
Ее по-детски худенькие ноги.
Незагорелая – под камушком росток,
Болела девочка предчувствиями света.
В нее, как в пересохший ручеек,
Себя по капельке переливало лето.
Над головой шумела синева,
Дул ветер душный, где-то ржали кони,
Все выше свет буравила трава,
И глубже в почву зарывались корни.
Шмели работали, в цветы уткнув носы,
И муравьи, выстраиваясь в строчку,
Раскатывали капельки росы,
Как грузчики раскатывают бочки.
Далёко надвигавшейся грозой
Сухое небо наливалось сыро.
Шла девочка, предчувствуя душой
Все перемены чуждого ей мира.
Как бабочка с листка оборвалась,
Как ящерка по камешкам горячим...
Была своя таинственная связь
У звуков с этой девочкой незрячей...
Как будто между небом и землей
Была она натянутой струною,
Где пахли травы близкою грозой
И птицы пролетали стороною.

***

Когда ворочаются сухо
За степью старые грома,
Крылом ложится тень испуга
На дол, дубраву и дома.

Предгрозовой летучий шорох
Овладевает тишиной.
И воздух желт и сух, как порох,
Готовый всё взорвать собой.

Живет в природе опасенье,
Шумят дубы, волнуя ум,
Тем ржавым эхом потрясенья
Наполнен их широкий шум.

В грозу тревожен сон селений,
Здесь помнят мертвых, как живых,
Предчувствие беды осенней
Живет в раскатах грозových.

***

Застигнет мгла на самой круче,
Грозой повеет, как бедой.
Куда ни гляну – тучи, тучи,
Куда ни поверну ладонь.

Я упаду лицом в ромашки,
И станет выше древний холм.
И вдруг так памятно и тяжело
Ударит отдаленный гром.

И вспыхнут грозные виденья,
С тяжелым топотом вдали,
Во дни великого смятенья
И потрясения земли.

Россия – горькая рябина,
Ты вечно в бурях и огнях.
Железом жгли тебя, рубили.
Свинчаткой метили впотьмах.

И сколько их, разноплеменных,
В полях оставили свой прах.
В кольце долин своих зеленых
Ты вся, Россия, на холмах.

***

Как удержать тебя, минута,
Когда, как голос в вышине,
Из ничего, из ниоткуда
Приходит музыка ко мне.

Нездешняя, но вся живая,
Стремителен ее приход.
Она – как туча грозовая,
Как неожиданный восход.

То вдаль идущее сиянье,
Непостижимое на слух,
И каждый звук из мирозданья
Тоской захватывает дух.

Тесно земное откровенье:
Смеяться, плакать и любить.
Но ради вечного мгновенья
Под этим небом стоит жить.

***

Мне страшно узнавать тебя в другой,
Но жить тобой в своем сознание ложном.
Ты власть свою теряешь надо мной,
А я стою, как на кресте дорожном.

Хочу одно – чтоб ты была моей,
Моей, и только мне принадлежала.
Чтоб образ твой ничто не отражало,
Чтоб отраженья не был он бедней.

Мне надо, чтоб в тебе одной жила
Вся красота и совершенство разом.
Чтоб я перед тобой, как два крыла,
Сложил с высот свою любовь и разум.

Лечу. Лечу. И замер на лету.
Как будто сам поймал себя на слове –
В другой твою увидел красоту.
Неужто сердце было наготове?

Как будто кто невидимой рукой
На ложный путь направил слух и зренье.
Куда теперь девался твой покой?
Моя гордыня, верность, восхищенье?

Мне страшно отраженное любить.
И если истина жива лишь отраженьем,
Что ложь тогда? Связующая нить
Моих побед и поражений.

***

Останьтесь со мною, деревья и травы,
На стежках звериных цветы.
Останьтесь, останьтесь, куда вы, куда вы?
Нам хватит земли и воды.

Останься, звезда, недоступною тайной.
Хорошая песня, не падай из рук.
Останься, щеглиный, сухой и хрустальный,
Морозцем прихваченный звук.

Природа родная, в своем чародействе
Я добрый – не злой человек.
Под отчими звездами спящее детство,
Останься со мною навек.

***

Как близок мне и дорог,
Когда валится лист
И заморозки в долах,
Щегла зальделый свист.
Подобно птицелову,
Раскидывая сеть,
Ловлю ее по слову,
Земли родную речь.
Живу, храня терпенье,
Что вот на мой порог
Сойдет живой, как пенье,
Как воздух чистый слог.
Мне нет другой отрады
За все, что смог сберечь.
Шуми, ломай преграды,
Раскованная речь!
Теченье ясной песни
Войдет в мой жадный слух.
И станет полновесней
И мысль моя, и звук.

***

Ещё гремит ручей овражный,
Ещё вода в реке темна,
А на полях, как лист бумажный,
Уже просохла тишина.

Сырых деревьев наготу
Обводит солнце синевою.
И свет, готовясь стать листвою,
Теплом заполнил высоту.

И тянет в улицы бродить,
Как будто мир тебе открылся,
Как будто заново родился
Смеяться, плакать и любить.

***

И колосу кланялся колос,
И рвались на части сердца.
И долго был слышен твой голос,
Но не было видно лица.

Прощай, соловьиное лето!
На месте, где плакала ты,
Осталась одна лишь примета –
Размытые солнцем цветы.

Играла желейка, в долине
Ложилась широкая тень.
И чудно на самой вершине
Тебя осветила сирень.

Запомнил мгновение это,
Когда уже вся за горой
Ты скрылась, а облако света
Еще оставалось тобой.

***

Заметил я, всегда перед весной
Острой воображения игра:
То вдруг повеет свежую сосною,
То запахом далекого костра.

То вдруг трава почудится под снегом,
И убеждаешь сам себя – трава.
Услышишь, как оттаивает эхо,
Хотя твой голос слышится едва.

В кусочке льда, дыханием задетом,
Увидишь бег раскрепощенных вод.
И то, что нынче было лишь приметой,
Назавтра голос жизни обретет.

***

В метель, в туман,
Во мгле осенней,
Как равные среди светил,
Горят, горят огни селений
Для всех, кто их не позабыл.

И для меня в полях России
Есть уголок, где ночь светла.
Горят, горят сторожевые
Огни равнинного села.

Мои тревоги и сомненья,
Они останутся в тени,
Когда родимое селенье
На горку вынесет огни.

***

После вьюги путь тревожный,
Вьюга вымела пути.
Вышел кто-то в крест дорожный
И забыл, куда идти.

Потоптался он, потопал.
Долго думал. Осерчал.
Рукавицами похлопал,
Валенками постучал.

И пошёл навстречу свету,
На собачий лай и хрип.
Слышен был на всю планету
Валенок подшитых скрип.

Из книги
"Светопень"

***

Прозрачно на тысячу верст,
Рябину видать издалёка.
И ткется по воздуху мост
Из белых и тонких волокон.

Над золотом блеск серебра
Главенствует неоспоримо,
Но право же, эта пора
По-своему неповторима.

По-своему сердцу ясна
Щемящею близостью срока,
Что ткется твоя седина
Из этих прозрачных волокон.

***

В берегах отстоялась вода,
Ждать недолго уже непогоду,
Зябко светит ночная звезда
В золотую озерную воду.
Стал тусклей и сонливее день,
Удлинились в полях километры.
Задрожали огни деревень,
Засвистели осенние ветры.
И шагая в предутренней мгле,
Возле зарослей бывшего дома,
Я подумаю вдруг о тепле,
Что хранит еще ворох соломы.

***

Он точен был – полет металла.
И птица выронила свист.
В листву скользнула и упала,
Сама зеленая, как лист.

Зеленая... Взглянул и замер.
Обжегся, словно об огонь.
Невыразимыми глазами
Она глядела на него.

Она так пристально глядела,
Что он глаза не отводил,
Как будто вымолвить хотела:
За что же ты меня убил?

***

Я жить спешу не праздности в угоду –
Вдруг не успею что-то на веку?
Как та пчела в хорошую погоду,
Не долечу к заветному цветку.

Кого-то взглядом добрым не согрею,
Кому-то правды горькой не скажу.
Да мало ли что в жизни не успею!
Я чувствую, поэтому спешу.

Вот почему, когда напропалую
Ломают воздух в рощах соловьи,
Сожмется сердце в точку пулевую
И горло перехватит от любви.

***

Напрасно, белая береза,
Ты в поле ищешь свой покой.
Он там, где низко вьются лозы,
Где берег виснет над рекой.

Там, по соседству с грустной ивой,
Была б ты празднично светла,
Была б ты самую счастливой,
Какой ни разу не была.

А в поле темном свищут грозы,
А в поле ветру ты видна.
Зачем ты, белая береза,
Средь поля выросла одна?

РОДНИК

Он в недрах каменных возник,
Пробил земную корку,
Тот щедрый маленький родник,
И покатил под горку.

То надо травы напоить
И не забыть о птицах.
Иначе незачем и жить,
К большой воде стремиться.

То каплю выпросит цветок.
А коршун сам напьётся.
Но путь к большой воде далёк,
А землю сушит солнце.

Ему бы где-то напрямик,
А он всё вил колечки.
И пересох он, мой родник,
Почти у самой речки.

Всего бы капельку ему
(Трёх пчелам не напиться),
Чтоб выбить русло самому,
С большой водою слиться.

РАДУГА

Как ярко радуга открылась
Над свежей озимью полей.
И словно выше осветилось
Сквозное небо этих дней.

Сверкнет ли птицы оперенье,
Иль звоном отзовется лист –
Весь мир в прозрачном озаренье,
И ты, как луч, душою чист.

И хорошо тебе. И красен
В листве берез обратный путь.
Всего лишь миг, но он прекрасен
Тем, что нельзя его вернуть.

***

Искал свою строку
В кругу родной природы.
Искал свою строку,
Как русло ищут воды.

Я столько лучших дней
На поиски потратил.
Искал вдали от всех,
Как золото старатель.

Она сама пришла,
Как в дом приходит ветер.
Как будто бы меня
Держала на примете.

***

Когда звенит морозный дол,
Когда на сердце даль,
Ты спой о том, родной щегол,
Что больше жизни жаль.

Пусть отголоском лучших дней
Мне будет твой привет.
Ты спой о матери моей,
Которой больше нет.

Про белый сад, про отчий дом
Ты спой, как сердце вынь.
На той земле, на месте том
Седым-седа польнь.

О том, как вмерз кленовый лист
В тот, первый в жизни лед,
Напомнит мне твой ломкий свист
И в детство уведет.

Про то, что мне всего родней –
Звени, щегол, в рассвет...
И вновь о матери моей,
Которой больше нет...

***

Жить, жить, жить
В мире доброй вестью!
Дружбой дорожить,
Враждовать с местью.
Чтоб хватало духу
В тесноте друзей –
Братину по кругу
За удачу дней.
Жить, жить, жить
Яростно, мятежно!
Милую любить
Озорно и нежно,
Чтоб цвели хлеба
Молодо и жарко,
Чтоб по мне – судьба,
Как по Сеньке – шапка.
Видеть свет во мгле,
Ничего кроме.
Жить, жить, жить
На земле,
Как в просторном доме!

***

Пробуждалась, как птица, на ранней заре.
Сквозь ограду косынка мелькала.
За водою ходила к зеленой горе,
Золотые шары поливала.

В яркой гуще лучей был один, как оса.
Это он, и назойлив, и жгуч,
Ослепительно бил тебе прямо в глаза,
Мой от зеркала пущенный луч.

Он ходил за тобою, как на поводу,
Он дразнил, не давая проходу.
Он тебя подгонял, так что ты на ходу
Проливала, досадуя, воду.

А когда ты, босая, входила в ручей –
Луч дробился на перекате.
Сколько их поломалось, зеркальных лучей,
О твое васильковое платье.

Эти дни отсверкали свое. Вдалеке.
Но однажды (судьбы ли причуда?)
Ты прошла с золотыми шарами в руке,
На ходу улыбаясь чему-то.

***

А в том весеннем дне
Сирень в садах ломалась
И девочка в окне
Счастливо улыбалась.

Мальчишка вдоль оград
Сверкал велосипедом,
И вся гурьба ребят
За ним летела следом.

В сиреновом огне
Легко ему сверкалось.
Не видел, как в окне
Девчонка улыбалась

В зеленом свисте птиц,
В слепящих брызгах света,
Но мчался праздник спиц
Без остановки в лето.

А в том весеннем дне
Сирень в садах ломалась
И девочка в окне
Счастливо улыбалась.

***

Представь себе синие тени,
Откосы и ветер представь,
Султаны персидской сирени
И мимо летящий состав.

Представь себе девочку в красном,
Бегущую вдоль полотна.
Представь, в этом мире прекрасном
Не ты меня любишь, – она.

Зеленого поезда эхо
Сверкнуло вагонным стеклом.
Представь, если б мимо проехал
Того, что любовью зовем.

***

Вот и выпал первый снег,
Разлетелись птицы.
Мой хороший человек,
Что тебе не спится?

Я тебя не позабыл
И не позабуду.
Отчего ты загрустил
В грустную минуту?

Если вспомнил о весне,
О зеленом лете,
Значит, вспомнишь обо мне
В этом новом свете.

ОБЛАВА
(цикл стихотворений)*

Волк

Голодный, тощий,
Сумеречной масти,
Блуждающая тень полей,
Он шел на вой,
Он шел на зов несчастья,
Сам завывая глуше
И сильнее.
Он молод был,
Он презирал облавы,
От гончих псов,
Как призрак,
Уходил.
Он не искал
Ни подвигов,
Ни славы,
Он просто волком
По природе был.
С годами
Чувство
Волчьего величья
Он укрепил
В пороховом дыму.
Он жил один,
Один владел добычей,
И смерть ему грозила
Одному.
Расплаты страх
В нем был давно утрачен.

---

* Цикл подготовлен редактором-составителем.

Когда впервые
Выскочил к флажку,
Он сам в себе
Носил свою удачу,
Свою
Неистребимую тоску.
Он молод был.
И по ночам все чаще
Хотелось выть,
Купая след в крови...
Хотелось волку
Волчьего, но счастья,
Хотелось волку
Волчьей, но любви...
И вот в снегах,
Отягощенный бегством,
Он услышал тоскливый
И родной,
Забывтый
И утраченный, как детство
И как любовь,
Неистребимый вой.
Горела мглой
Звезда сторожевая
В предчувствии
Ночного торжества.
Они сходились,
Длинно завывая,
Два
Равно одиноких
Существа.
Им вместе выть,
Пока рассвет забрезжит,
Пока деревня
Праздничная спит.

А солнце встанет –
Гончие забрешут,
И кровь волчицы
Поле освежит.
А он уйдет,
Матерый и отпетый,
И где-то в яме,
Рану зализав,
Всё будет слушать
Завыванье ветра,
В снегу колючем
Притушив глаза.

Охота

Пора! Оранжево и резко
В лучах потрескивает лес,
Стеклянный выстрел в перелеске,
Собачий лай наперерез.
Визгливой сворою разбужен,
Петляет заяц по кустам.
Но круг погони уже, уже –
Борзые мчатся по пятам.
В ружейных яростных повторах
Трубят охотничий рожок.
В морозном воздухе, как порох,
Пересыпается снежок.
Узнай, чей выстрел был прицельней?
Рычат собаки, озверев.
Сухая тень зари вечерней
Волной отходит от дерев.
По окровавленному следу
Стрелки сойдутся на кругу,
А кровь, в награду за победу,
Собаки вылижут в снегу.

Пора в сторожку, к жаркой печке,
Друг перед другом гомоня,
Погреться, вспомнить про осечки,
Почистить ружья у огня.

Бега

Влажные ноздри цветами лугов
Пахнут на легком морозе.
О, эти кони! Услада богов!
Звонкие в жизни и бронзе.
Вот их выводят, красивых и злых,
Мериться резвостью бега:
Дымных и жарких, как ночь, вороных
И ослепительней снега.
Баловни славы, любимцы удач,
Смотрят они горделиво,
Та грациозна, а этот горяч,
Очи лиловые, как сливы.
В легких колясках надменно сидят,
Как в колесницах, жокеи.
А у конюшни сошлись и галдят
Конюхи, словно лакеи.
.....
Сладко ударил малиновый звон,
Долго вдали умирая.
Сразу, пьянея, пошли на обгон
Дымная и вороная.
Бросили по ветру гривы свои,
Розовой пеной взмокрели,
Стонут, как в нежном припадке любви,
Ноздри призывней свирели.
Мчат, сатанея, в морозной пыли
Так, словно быть или не быть.

Белый летит, не касаясь земли,
Выструнив шею, как лебедь,
Перегорела, сорвалась в галоп
Дымная звень-кобылица.
А вороную бросает в озноб,
Кровь на губах пузырится.

.....
В теплых пополах коней проведут
Мимо лошадки мохнатой.
Это на ней отыграется кнут,
Словно во всем виноватой.
Вот она, смиренная, возчика ждет,
Что-то жует над корытом.
Возчик придет и в телегу впряжет
Корм раздавать фаворитам.
Трудится с возчиком в поте лица,
На ноги только б не села.
В чьей-то кормушке рванет овсеца,
В чьей-то – пахучего сена.
Чистое ржанье навстречу плеснет
Белый красавец. Вожжою
Возчик досадно лошадку хлестнет
И пожалеет душою.
Позднею ночью ее распрягут.
Сон будет ярок и звонок –
Будто бы скачет в зеленом лугу
Белый ее жеребенок.

Волчий гон

Визжат по снегу полоза.
Я масть люблю соловую.
Швырай, швырай в мои глаза
Горящую соломою.

Смотри, тебе наперегон
Летят огни в сырой ночи.
Со всех сторон, со всех сторон
Летят мои сородичи.

Сорвется конь в глухой галоп,
Зайдется пеной розовой.
Ты пулей вылетишь в сугроб,
А я вскочу на розвальни.

Ты без коня дойдешь к огню.
А под болотной елкою
Я сам сломаю бег коню,
Когда взлечу над холкою.

Облава

Охота на волка – эх, и потеха...
Очнется, застонет морозное эхо.
За выстрелом – выстрел,
И в воздухе шатком
С деревьев слетят и папахи, и шапки.
В патронах уложен
Тяжелый волчатник –
Дробина к дробине,
Как темный брусчатник.
Врежется в древо такая дробина –
Красными щепками брызнет рябина.
В ноздри ударит не воздух, а порох –
Сердце зайдется в ружейных повторах!

***

Флажки развешены. Горят.
Стрелки в кустах заиндевели.

Кто метче будет, чей заряд
Поставит точку в этом деле?
И каждый думает: уж я
Не промахнусь, чего же проще...
К губам приставив ствол ружья,
Завыл по-волчьему загонщик...
Трещотки, выстрелы в ответ...
И разъяренные, как лава,
Собаки с ходу взяли след,
И понеслась, пошла облава.
Наперерез, в болотный лес,
Туда, где зверь в кольце метался,
Где снег причудливо висел...
Гон отдалялся, приближался
И наконец затих совсем.
Лишь снег сквозь иглы осыпался.

***

Он не пошел той опушкой прострельной,
Охотник – он принял как вызов охоту.
След волчьего шага –
След узкоколейный
С кочки на кочку
Прошел по болоту.
Он знал, что поставил
Последнюю точку,
Он выиграл бой,
Но какую ценою...
Ведь завтра всё снова...
С кочки на кочку
Он выйдет на промысел свой в одиночку,
Мелькнет серебристо, как месяц над бором,
Как гибельный призрак родного простора!

***

Глухой тропой вышел в лог,
Весь, как пружина, напряженный.
Понюхал воздух, в снег залег.
И так лежал настороженный,
Как самострел неразряженный,
И слушал лес – ему чужой,
Как будто в нем таился кто-то...
Тянуло сыростью и ржой
Непроходимого болота.
Там жизнь и смерть его прошла
Одной тропой, одной повадкой.
Там порохом осмерклась мгла!
Здесь пахнет снег свободой сладкой.

***

Он думал, что о нем забыли...
Его три ночи стерегли
И в темном ельнике убили
И вдоль села проволокли.
Он был красив в морозном свете,
Такая сумрачная масть...
И палкой раздвигали дети
Его ощеренную пасть.
Он даже мертвым был велик!
И на снегу зальделом, колком,
Запекшись, пламенел язык
С прилипшей хвойною иглой.

Из книги
"За туманом - иней"

***

Россия, русская земля,
Ты свет единственный в поэте!
И я люблю твои поля,
Как, может быть, никто на свете.
Летят ли птицы над тобой,
Бурлят ли воды по оврагам:
Слежу за журавлиным взмахом,
Слежу за быстрою водой.
Стою ль на дедовском кладбище
Иль у дорожной колеи –
А сердце неустанно ищет
Сыновние слова любви.
Да не коснется укоризна
Тебя из уст моих – вся
Россия, Родина, Отчизна –
Как три единства бытия.

ТАМ...

Там заячьи стежки приводят к стогам,
Там песни поют на завалинках,
Там девушки ходят по белым снегам
В цветных полушалках и валенках.

Там пахнут березы парным молоком,
Там бани орешником топятся.
Там вымя сосулек под синим окном
Заботливым солнцем доится.

Врываешься в хату, с мороза горяч,
Гостинцы спешишь свои выставить.
И хочешь, засмейся, а хочешь, заплачь –
Равно прозвучит, как исповедь.

ЗЕМЛЯ

Нет ада, но нету и рая,
Есть темное око мое.
Звезде, что летит, догорая,
Я новое дам бытие.

Сегодня бессонной звездой
Играла на темных водах,
А завтра проступит водою
В оттиснутых зверем следах.

Живому забвения нету!
Из тайных глубин бытия
Листва возвращается к свету,
Как ветры на круги своя.

Есть жизнь! Принимай, как награду:
Любить на земле и гореть.
Стать пеплом прекрасному саду –
Не значит еще умереть!

РУССКОЕ ВРЕМЯ

Запада алч и преграда Востока –
Русь – крестовина дорог.
В этом просторе всегда одиноко,
Даль в нем – единственный бог.

Скопище светлых огней за рекою
Звездный порядок хранит.
Чувствуешь вещее: в русском покое
Время земное стоит.

Как повелось оно, так и ведется –
Крикнешь в небесную тьму
И уходи себе – эхо вернется
К внуку уже твоему.

ПУСТЫНЯ

Гиблый край! Птицы в воздухе дремлют.
Ветер древнею веет тоской.
Словно Жизнь зачала эту землю,
Для того чтоб засыпать песком.

Как присутствие мстительной мысли,
Утомленной извечной борьбой,
Птица серая, в небе повиснув,
Равнодушно следит за тобой.

Кости зверя белеют угрюмо,
И звенит в его черепе зной.
Словно чья-то преступная дума
Тяготее над этой землей.

***

Свет вершин золотеюще-тусклый,
Словно кто-то их долго вошил.
Я люблю этот лес среднерусский
От угрюмых до светлых вершин.
И откуда в краю моем тесном,
От какой глубочайшей из дум
Зарождается шум поднебесный,
Возвышающий сердце и ум.
Словно здесь, где земля грозовая,
Где печаль глубоко залегла,
Терпеливый мой край осеняя,
Чьи-то мощные веют крыла.
И в отливах вершинного шума
Слышу слаженный хор голосов.
И закатное солнце, как дума
На челе среднерусских лесов.

ИЮЛЬ

Июль. Июль. Недолго ждать покоса.
Зеркальный пруд от зноя запотел.
И кажется, что белая береза
В густой пшенице стала золотей.

Покос и осень светлая, как воля,
Где ветер листья первые стрясет.
И пчелка с увядающего поля
Последний мед, как зернышко, несет.

УЧИТЕЛЬ

В серой кепочке, сутулясь,
Как всегда, и стар, и нов,
Запах двори́ков и улиц
Приносил нам Соколов.

А когда бывал он проще
В той, с морозинкой, поре,
От него тянуло рощей,
Птичьим свистом на заре.

Осененный скрытым светом,
Тем осенним, оттого
Поточней иных ответов
Были паузы его.

И когда из улиц душных
Выходил он сам к себе,
Александр Сергеич Пушкин
Узнавал его в толпе.

ЗА ТУМАНОМ – ИНЕЙ

Молодость махнула мне косынкой синей,
Пал туман на землю там, где осень шла.
За туманом – иней, за туманом – иней,
Вот уже и роща вся белым-бела.

За туманом – иней, а за рощей белой?
А за рощей белой всё белым-бело.
Как же это время быстро пролетело,
Как же это рано снегу намело?

Ах ты, роща, роща – предзакатный пламень,
Пух не тополиный на твоих ветвях.
Я висков касаюсь теплыми руками,
Но не тает иней на моих висках.

Ну и пусть не тает. Прощумел мой ливень.
С белыми снегами светлый месяц слит.
Пусть допишет песню кто-нибудь счастливый,
Как над белой рощей белый свет стоит.

***

Первый раз ночует птица
Не на шумной ветке.
Первый раз ночует птица
В золоченой клетке.

Первый раз запела птица
Не в широком поле.
Первый раз запела птица
В золотой неволе.

Не о поле пела птица,
Не о вольной ветке,
А о том, что часты спицы
В золоченой клетке.

***

Подвластный внезапному мигу,
Взглянул на летящий состав,
Как будто забытую книгу
Глазами перелистал.

О, юность! Зеленое лето,
Угар соловьиных кустов.
В подаренном томике Фета
Недоставало листов.

Те годы ничем не унизить.
Все машет мне девушка вслед.
О, если бы можно приблизить
Хоть что-то из прожитых лет.

Сложить бы хоть слово привета
Из листьев мелькавших, дождя.
А может быть, девушка эта
Еще ожидает тебя?

Ты помнишь ее не случайно,
Узнал бы из тысячи лиц.
О, юность! О, вечная тайна
Недостающих страниц.

***

Помню маму не солдатскою вдовою,
Буду помнить не больною и седой.
Помню маму молодою-молодою,
Так и буду ее помнить молодой.
Помню, помню, никогда не позабуду –
Мама косы резанула сгоряча.
Будто света стало меньше в ту минуту,
Будто солнце потеряло два луча.
Так и вижу маму гордою, прямою
И другой ее представить не могу.
И всегда она стоит передо мною,
Словно яблоня, цветущая в снегу.

ЗА ВОДОЙ...

За водой, где лозы висли,
Шла прямее, чем свеча.
Под излукой коромысла
Гнулись тонкие плеча.

На чужих мужей не зарясь,
Так несла свой гибкий стан, –
Никакая бабья зависть
Не нашла бы в ней изъян.

По топольей той метели
Шла, как перышко – легка.
Старики вослед глядели:
– Пропадет без мужика.

Капли мать не проливала,
Шла, как свечечка,
Ох, как за день уставало
Гнуться плечико.

Позже всех огонь гасила.
На одной держался дом.
Горе ведрами носила,
Только счастье решетом.

РОДНОЕ СЛОВО

Нет слова отчего родней,
Какие б ни звучали речи.
С рождения до крайних дней
Ты им, как родинкой, отмечен.

Не гаснет золото в пыли,
Сверкнет тебе орлом иль решкой.
Родное слово – соль земли,
Не обрати его в насмешку.

Обереги его от бед –
От варварства и чуждой прозы,
Храни, как русские березы
Хранят земли глубинный свет!

***

Промелькни косынкой, в чаще
Птицей теновой.
Обернись листом летящим,
Перелёт-травой.

Сколько раз сбивала с толку,
Все равно, любя,
Я нашел одну уловку
Узнавать тебя.

Там, где ты справляла роздых,
Выбившись из сил,
Я тебя, как птицу-розмыть,
Синью окаймил.

Захочу к тебе явиться,
Прошепчу слова:
– Лист летящий, розмыть-птица,
Перелёт-трава...

***

Для мира или для войны
Меня задумала природа?
Как музыка из глубины
Во мне звучит ее свобода.
Тогда мне кажется, что я
Однажды жил на белом свете,
Что жизнь минувшая моя
Меня все держит на примете.
Как шум листвы – движенье дум.
Шумит листва, не утихает.
О чем, о чем мне этот шум
Сознательно напоминает?
Я силюсь вспомнить, но кого?
Застонет ветер, занеможет...
Высокий шум меня тревожит,
Я сам не знаю отчего.

УТРО

Я проснулся, а мир сотворен.
Как и в первое утро творенья,
С четырех разноцветных сторон
Поднимались зари испаренья.
И дышали парами цветы,
Выбирая свои сочетанья.
А в глубокой лазури воды
Проступали мои очертанья.

МОНОЛОГ

Ничьей нет власти надо мной, отныне
Земле и небу не подсуден я.
Я голос вопиющего в пустыне,
Я сам себе защитник и судья.

И никуда мне от себя не деться,
Мой дерзкий ум блуждает по земле,
Веками он обгладывал мне сердце
И умножался в силе и числе.

Мне думалось, я мир очеловечу.
Я корчевал все то, что мог сберечь.
Я победил косноязычной речью
Цветов и трав классическую речь.

Я создал миф о вечности – искусство.
Я стал царем железа и огня.
В гнездовье сердца холодно и пусто,
Как будто там и не было меня.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Памяти Л.Н. Афонина

Он идет под белым снегом
Вдоль Тургеневской пешком.
В круглой шапке с темным верхом,
С папочкой под локотком.
Встретит, грустно встрепенется,
Руку долго потрясет.
Добрым словом отзовется,
Как от пошлости спасет.
У того ответ на всё есть,
Этот – мощный, как таран,
У него же ум и совесть,
Очень редкостный талант.
Он-то знал и тех и этих,
Верный труженик добра.
Снег летел, касаясь веток,
Легче легкого пера.
И уму непостижимо,
Как он жил светлее всех.
И всегда над ним снежило,
Только был последний снег...
В старом доме хлопнет ставень,
Что там, кто там, отчего?
Снег летит не перестанет,
Снег идет, но без него...

Из книги
"Дозорный свет"

***

Послевоенные года.
Послевоенные печали.
Я не забуду никогда,
Как нас, мальчишек, разлучали.

Чтоб сохранить среди живых,
Чтоб каждый был и сыт и вымыт –
Одних – в суворовцы, других –
В дома суровые для сирот.

Наш путь войною не отмечен.
Но посмотри со стороны –
Мы обнимаемся при встречах,
Как ветераны той войны.

МОТИВ

Я мотив той песни позабытой
Вспоминаю и пою без слов.
Жил в Орле поэт незначительный
С громкою фамилией Орлов.
Где он, за какими берегами,
Отчего слова его тихи?
Может быть, можайскими снегами
Остудило лучшие стихи?
Может быть, ударило по нервам
И залом оставило в душе
Мальчика пехотного резерва
На танкоопасном рубеже?
Жил в Орле поэт незначительный,
Написал он песню об Орле.
И слова в той песне позабытой
Все горят, как танки на стерне.

***

Безымянным героям 41-го года

Незапамятные даты –
Сорок первый на крови...
Безымянные солдаты.
Безымянные бои.

Отступали, отходили,
Огрызались вразнойбой.
Безымянные могилы
Оставляли за собой.

Ни письма, ни похоронки
Ни оттуда, ни туда.
Безымянные воронки,
Безымянная вода.

Родниковым синим током
Бьет и бьет из глубока.
Потому ты, знать, широка,
Волга-матушка река.

***

Возле дощатой ограды
Мыслью одной был зажат.
Что ж это наши солдаты
Так безмянно лежат?

Дочка ромашки качает,
Свет на ресницах дрожит.
Дедушка твой, отвечаю,
Здесь под звездою лежит.

Может, сказал я поспешно,
Взрослым сиротством скорбя.
Детское сердце утешно.
Чем я утешу себя?

Разве сказать неуместно,
Здесь, где ветра говорят,
Имя солдата известно –
Русский солдат!

ХЛЕБ

Нищему – горе поможет.
Я горе свое носил...
И совесть меня не гложет,
Что хлеба кусок просил.

Пустело от страха сердце,
Дрожала в руке сума.
Но бабка выносит хлебца,
Худая, как жердь, сама.

Такая была Россия!
Каждый войной избит.
Фуфайку одну носили
На пятерых без обид.

Такая была остуда,
Такая была страда!
Нет-нет да и глянет оттуда
Родными глазами беда.

...Но голод души не выел.
И помнится бабкин порог!
В те годы я сердцем видел
Хорош человек иль плох.

***

Ты когда-то радел о народе,
Ты и корня был с ним одного.
А когда он рванулся к свободе –
Устрашился свободы его.

И, кляня свою нищую долю,
Ты чужим из чужого угла
Наблюдал, как терзается болью
Та земля, что тебя родила.

Ничего на чужбине не знача,
И не граф никакой, и не гранд,
Ностальгией был счет твой оплачен
И отмечен тавром – эмигрант.

Умирая, нашел в себе силы
Подытожить свой жизненный крах:
– Нищий тот, кто покинул Россию.
Завещаю России свой прах.

Блажь, чудачество? Всякое было.
И прощен был прозревший в конце.
Но Россия тебя схоронила
Без единой слезинки в лице.

***

Нет мира на земле –
Не спарывай погоны.
Ты слышишь, как во мгле
Грохочут полигоны
Чужие и свои.
От сотворенья Рима
Идут, идут бои
И явно, и незримо.

ПОВИЛИКА

Знает только темна ночка,
Где гуляла, с кем была.
А когда родилась дочка –
Повиликой назвала.

Синеглаза, яснолика.
А плечами повела –
И смотри, как повилика,
Сразу парня оплела.

И тебе в эту ночь увяданья,
Покидающей грустный мой край,
Я хотел бы сказать – до свиданья,
А шепчу почему-то – прощай.

ДОЗОРНЫЙ СВЕТ

Дозорный свет невыразим.
В одно мгновение березы
(Еще не дымка и не дым)
Овеет призрачная озарь.

Не цвет, а прицветь над землей,
Еще роса не ловит блеска,
Как будто между светотьмой
Лишь лёгонькая занавеска.

Из глубины своей светя,
Земля вот-вот зарей займется.
И небеса нагнутся к солнцу
И примут на руки дитя.

ЛЕГЕНДА О ПТИЦАХ СУДЬБЫ

В серое небо взглядишь,
Видишь птиц круговерть?
Белая птица – жизнь.
Черная птица – смерть.

Это плохая весть.
Ты – добыча борьбы.
Это они и есть
Птицы твоей судьбы.

Скинь с себя цепкий сон,
Вспомни дело свое.
Тихоними ружье,
Заговори патрон.

С места на шаг не сходи,
В землю гляди острей.
В промельках двух теней –
Черную тень найди.

Дай ей свинца испить.
Будет в глазах черно.
И не забудь убить
Белую заодно.

Ибо одной в миру
Ей тяжело летать.
И поклянись костру
Больше не убивать.

Жизнь проживешь вдвойне,
Будешь, как ястреб, смел.
Эту легенду мне
Ветер степной напел.

***

Скорбя, негодуя, любя,
Я часто одним озадачен:
Как можно уйти от себя,
От жизни свернуться в калачик?!

Как в темную келью монах,
Укрыться в мирок беспорочный,
Юлить у житейских коряг
Каким-нибудь беспозвоночным.

Не знать ни обид, ни стыда,
Кого-то не выручить в полночь.
И Родине – если беда –
Не броситься первым на помощь.

Не биться живою волной
На гребне тревожного века...

Лишь в ответах жизни самой
Прекрасно лицо человека!

СКВОРЕЧНИК

Давно в садах и палисадах
Морозом выжгло цветники.
И дым поземок полосатых
Остекленил березняки.
А мой сосед с веселой злостью,
Какая блажь в его уме,
Ожесточенно лупит гвозди,
Скворечник делает к зиме.
Ему свой мир, наверно, тесен.
Жена с крыльца ему кричит:
– Ты лучше б дверь в сарай навесил.
А он не слышит. Он стучит.
Он увлечен сейчас весной.
Зима. Зима. И вдруг на вербе
Висит скворечник расписной.
И мой совет он счел придиркой,
Когда изъян его открыл,
Что надо к югу вешать дыркой,
А он на север смастерил.

“ПРИВРАТНИК”

Не жег, не убивал,
Иначе был устроен.
Рубил, пилил, строгал:
Он виселицы строил.
Он плотничал как мог:
Столбы, потом основа,
Скамеечка для ног –
И буква П готова.
Из трех столбов врата,
И плата, как Иуде...
Но близил день Суда
Чугунный глас орудий.
...Сбежал. На дно осел.
Носил потертый ватник.
Остался лишь в досье
Под кличкою “Привратник”.
...Он тридцать лет прожил,
Не изменил работе.
Кладбище сторожил,
Состарился в заботе.
Днем прятался, как вор.
Вонял сивухой, щами...
Как выстрел – приговор:
Россия не прощает!

ЖИЛИНО

У дороги, что густо вспылена,
От усадеб следы видны.
Я родился в деревне Жилино
Накануне большой войны.

...Редки были в деревне свадьбы,
Было мало нас, малышей.
На деревне почти все бабы
Не дождались с войны мужей.

Что ж, поплакали, повздыхали,
Повязали до глаз платки,
Сами сеяли, сами пахали,
Как заправские мужики.

Залетел сизарек высоко,
Да устали крыла держать.
Что ты ноженьки режешь, осока?
Дай до милого добежать.

Помню жаркие дни прополок,
А ночами при свете костра
Горевание перепелок
В сенокосные вечера.

Мы от горя росли бедовыми,
Знали, где глубоко, где брод.
Только матери наши вдовами
Оставались из года в год.

Горделивые русские бабы,
Я вас в памяти берегу.
Вам бы памятник ставить пора бы
Там, где ивы на берегу...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Незнакомой дорогой иду,
А была ведь когда-то знакома.
Всё смотрю и никак не найду
Пепелище родимого дома.
Там деревья остаться должны,
И дорога была, да не эта.
Что ж сейчас, как и после войны,
Ненадежна любая примета?
И спросить-то не знаю кого,
Впрочем, спрашивать мне не пристало,
Я и сам не забыл ничего,
Что росло здесь, цвело и стояло.
Я не землю – я жизнь узнаю!
Время столько обувки сносило,
Прежде чем деревушку мою
По высотным домам расселило.
...Был здесь грустный земли уголок,
Низкий домик в зеленом затишьи.
Постою, помолчу, одинок
Под широкою звездною крышей.
Посмотрю на родную звезду
Не затем, чтобы стать ей виднее, –
Я всегда у звезды на виду,
Но она мне отсюда роднее.

ГАРМОШКА

Нынче верба расцвела,
Посмотри, любезная.
Шла гармошка вдоль села,
Чуточку нетрезвая.
Шла гармошка по селу,
Даже и не верится.
Девки вышли посему
Поголывать, проветриться.
Ах, как верба расцвела
И быстрее тополя,
А гармошка вдоль села
Им навстречу топала.
Посмотрели – старый дед,
Старый дед воочию.
Что ж ты, дед, легко одет,
Что ж ты бродишь ночью?
Девки плюнули в сердцах:
Что с его гармонии?
Старый ходит в молодцах –
Тоже филармония.
Дед обиделся в ответ –
Он ведь жизнь налаживал:
Женихов у девок нет,
Он чужих приваживал.

МУРАВЕЙ

Дочке Оле

В зеленую сырость оврага,
Скрываясь в траве-мураве,
В своей муравьиной отваге
Спускался один муравей.
Канавы, поляны, лощины
Вокруг испетлял за версту.
В своей муравьиной общине
Он был на хорошем счету.
Все тропочки, спуски разведаль,
Всех страшных зверей подглядел,
Холодной водички отведал,
На теплом пеньке посидел.
Вдали ягодина краснела.
Не кинулся к ней потому,
Что вспомнил про важное дело,
Доверено дело ему.
Домой словно нес его ветер,
Так быстро мурашка бежал.
Но все, что дорогой приметил,
В уме своем цепко держал.

НОВОСИЛЬ

Городок удивительно ранний,
Ты приходишь в мое забытьё.
Я нечаянно сердце поранил
О старинное имя твое.

Пролетели, не знаю короче,
Прозвенели во славу любви
Новосильские краткие ночи,
Проливные, как дождь, соловьи.

Те, что сердце мое расспросили,
Не вернутся – проси, не проси.
Ты, как синяя птица на синем,
Новосиль, Новосиль, Новосиль...

ИЗМОРОЗЬ

Имя твое вызвалось,
По сердцу пришлось,
Деревенька Изморозь,
Светлая насквозь.

Красота ль морозная
Здесь всему вина...
Кем так ясно прозвана,
Так озарена?

Но молчит деревня,
Ничего – в ответ.
Белые деревья
Отражают свет...

МАТЬ

К цветущим сумеркам окна
Прижмусь, распугивая тени.
О, как же вскинется она
Навстречу голосу в сирени.
...От слез внезапных отойдет
И сразу словно онемееет.
И улыбнется, как вздохнет,
Как только матери умеют.
И небеса и свет равнин
Во мне печально отразятся,
Когда на свет ее седин
Ночные бабочки слетятся.
И станут виться в тишине,
Пока их ветер не рассеет.
И проведет по седине
Звезда лучом своим весенним.
Мне в тихом Родина слышна,
Мне в малом Родина велика!
Она, как мать, всегда одна
С того младенческого крика.

Из книги
"Осенняя дубрава"

***

Пусть пахаря солнце застанет на пашне,
А мать склоненной над спящею дочкой.
Солдата с ружьем, звездочета на башне,
Поэта за самой бессонною строчкой,
В которой сойдутся под солнечным флагом
Огонь и работа, любовь и отвага!

***

Не чертят в'ороны круги,
Не слышно плача пустельги –
Простор ветрами сжат.
Гудят сосновые верхи,
Как порох, ельники сухи,
Осинники дрожат.

Идет верхами напролом
Обвальный ветер-бурелом!

С сосной сплетается сосна,
Как будто им земля тесна.
И тесен свод небес.
А наверху своя война,
И туча туче, как волна,
Летит наперерез.

Идет верхами напролом
Обвальный ветер-бурелом!

Как в след гигантский колеса,
Втянулись русские леса
В слепой водоворот...
Дай Бог, расчистит небеса –
И лес расправит паруса,
Как в шторм попавший флот.

ТРАВА

Ходим и травы не замечаем,
А заметим – смотрим свысока.
Лежа в травах, звезды изучаем,
Улетаем мыслью в облака.

Как бы ни измяли – не беднеет,
Только просит: дождичек, пролей.
Травушке-муравушке виднее,
Кто лежит под нею, кто на ней.

ПОСОХ

Много способов жить на земле:
Быть улиткой и праздновать волю.
Иль метаться, подобно пчеле,
Тридцать дней по цветастому полю.

Извивается в травах змея,
Зверь грызет свою лапу в капкане...
Все кричат тебе: я это, я –
Подорожник и роза в стакане.

Пень трухлявый в зеленом пуху...
Но, подумав о шершнях и осах,
Ты вонзаешь свой посох в труху,
И в тебя же вонзается посох.

***

Над заречною рощею ветер шумит,
Птичьи гнезда, как зыбки, качая.
И от крика грачей так душа защемит,
Словно в чем-то меня уличая.

Неужели я счастье свое проглядел,
Неужели я жизнь на пустое угробил?
Дорожил только тем, что от Бога имел,
Ничего не скопил и святого не пропил.

Оттого ли щемит... но об этом молчи!
Ах, какая сегодня апрельская талость...
Пусть хлопочут, кричат молодые грачи,
Будто мне их забот не досталось.

***

Рожденную вихрем кружиться,
Тебя закружил он саму,
И вздрогнули все половицы
В девичьем твоём терему.
И что же, ломала запястья,
Свой жребий тянула с трудом?
Нет, вся изнывала от счастья,
Когда он врвался в твой дом,
Закрученный гневом и буйством.
Ты снова сходила с ума.
Утихни в нём это безумство –
Безумной ты стала б сама.

***

Любимая, не плачь, что молодость уходит,
Ее не удержать. Наш август позади.
Пусть краски сентября тебя с ума не сводят.
Любимая, не плачь о том, что впереди.

Еще прозрачны дни, и ветер загустевший
Приносит сладкий дым багряного листа.
И тонкий луч звенит, слезу твою задевший.
Любимая, не плачь. Душа твоя чиста.

Я рядом, я с тобой. Ты навсегда любима.
Взгляни в мои глаза и долго не горюй.
Еще свежей горит под инеем рябина,
И в заморозки жгуч ответный поцелуй.

СЛОВО

Кто поймет, а кто осудит,
Кто воздаст иную честь.
Говори о том, что будет.
Говори о том, что есть.
Не молчи о том, что было
И куда нас занесло.
Только б сердце не остыло
И быльем не поросло.
Только б радостно святое
Посреди житейских драм
Всплыло слово золотое,
Как ушедший в воду храм.

ДАЛЁКОЕ

Мы срывали с тобою цветы на бегу,
То пурпурные, то золотые.
Кроме алых и белых в зеленом лугу
Отражались цветы голубые.
Ты бежала к своим васильковым цветам,
Мне ромашки особенно близки.
И кузнечики по сторонам
Разлетались, как звонкие брызги.
И безоблачно было, легко
Лепетать тебе что-то стихами.
А теперь это все далеко-далеко.
Да и луг тот давно распахали.

***

Какие-то птицы кричали в ночи
В предчувствии встречи.
Ты вышла из света, и пали лучи
На тонкие плечи.
Такою запомнил тебя навсегда –
Светлее виденья,
Когда над сиренью зависла звезда
За миг до паденья.
Запомнил навечно удар красоты,
Слепящей всевластьем,
Где мы умирали, и плакали мы,
И мучились счастьем.

***

Друг мой хороший, друг мой большой,
Что-то мне горестно стало.
Будто бы кто-то стоит над душой,
Не поднимая забрало.
Выйду ли в звездные глянуть пути –
Ветер, как вестник разлуки,
Крепче, чем дочка, прижмется к груди,
Даже почувствую руки.
Голос окликнул вчера у ворот...
Что ж, я судьбе не перечу,
Если мне голос она подает
И вызывает на встречу.
Знаю одно: до последнего дня –
Родина слева и справа!
Спешилась только на время с коня
Старая русская слава.
Выеду во поле, в рог протрублю –
Грянут ответно повторы.
Значит, еще не один я люблю
Русские наши просторы!

***

Сколько можно дробиться на левых и правых?
Сколько можно делиться на белых и красных?
Не враждуют друг с другом деревья и травы –
Может, больше, чем надо, в их речи согласных?
Как он нежен, румянец на теплых осинах,
Где в просветах сороки, как версты, мелькают,
В дни, когда в лучезарных багряных долинах
Золотые щеглы и поют, и сверкают.
Неужель, неужель до сих пор непонятно,
Для чего нам дается земное общенье?
Ведь никто никогда не вернется обратно,
Чтоб в слезах попросить друг у друга прощенья.

ТАК БЫВАЕТ

Так бывает: в цветущем покое
Вдруг становишься легче, чем тень.
Тает тело, и чувство такое,
Что душа переходит в сирень.
Вот уже ничего я не слышу,
Ничего я не помню уже,
Только вижу, лимонницу вижу –
По цветастой мелькает меже.
Я себя уже не различаю,
И не думаю я ни о чем,
Лишь на гроздьях дремотно качаю
Золотисто трепещущих пчел.
Весь причастный к земному цветению,
Я ли это живу не дыша?
И клубится, клубится сиренью
Позабывшая тело душа.

***

Кто ты? Миру угоден
Иль заоблачным высям?
От живых не свободен
И от мертвых зависим.
Что любовь твоя значит
В этом замкнутом круге?
Ты чужою удачей
И зажжен, и обуглен.
Ты ведь мог не родиться...
Не рожденного помни!
Чья-то жизнь тебе снится
В грозных отблесках молний.
И во сне ты летаешь
Над безлюдною бездной.
И светло обмираешь,
И не хочешь воскреснуть.
Как легко там, смеркаясь,
Путать вымысел с былью.
Почему, просыпаясь,
Ты не чувствуешь крылья?
Эта радость покоя,
Эти слезы – оттуда.
Длится время земное
В ожидании чуда.
Там, где ночь на исходе,
В той трепещущей выси,
Ты от мертвых свободен,
От живых независим.

***

Осело солнце на холмы
И на холмах себя держало,
Покуда судорогой тьмы
Тень по земле не пробежала.
В одно мгновение вдали
Упали светлые опоры.
И гады темные земли
Вот-вот свои покинут норы.
Смотри, как галочки круги
Летят, летят в каком-то страхе.
То ночь идет!.. Ее шаги,
Как волки, слушают овраги.
И тех, кто злей, свирепей всех,
Ночь призовет к себе по следу.
Как будто весь вселенский грех
Сойдется праздновать победу...

УТРО

Птица запела, и утро пришло!
Господи, это же лето...
Видно, не так уж на сердце светло,
Если так жаждешь рассвета.

Видно, еще не успел обмелеть,
Словно вернули из ссылки, –
Хочется жить и себя не жалеть,
Быть у добра на посылках.

Чувствую радости светлый исход.
Сам этой радостью за душу схвачен.
День разгорается. Птица поет.
Смысл бытия не утрачен.

***

Красотою единой рожденные –
Я и ветер, огонь и трава.
Друг на друга глядим отчужденные,
Потерявшие силу родства.

Что там, в памяти дерева белого?
Черный камень – кого он любил?
Все мы части единого целого,
Кто наш мир на осколки разбил?

Кто-то помнит его очертания...
Может, разум и есть тот магнит,
Что вернет красоте сочетания
И разъятое соединит.

ПУТЬ

Мчался он по разбуженным водам
И кричал ему с берега брат:
– Ты закат перепутал с восходом,
Этот путь на закат, на закат...

Никого удалец не послушал,
Кинул ветер себе поперек
И загнал свою верную душу
Бесконечностью русских дорог.

Занеслась голова удалая!
Видит Бог, он один виноват.
На обочинах русского края,
Как восход, полыхает закат.

***

Игорю Крохину

Когда зацветают ночные светила
И грозным покоем душа смущена,
Скажи мне: какая бессмертная сила
Во всем этом хаосе заключена?

В отливах, приливах, деревьях и злаках,
В цветах сновидений ответ не найти.
Наш путь зашифрован в космических знаках,
Но мы не прочли и начало пути.

Над нами зияли сады откровений,
Которых не видит воинственный глаз.
Но мы не исполнили вещей велений,
И космос закрыл свою книгу для нас.

ПЕЧНИК

– Ты думаешь, кто я такой?
Я, может, в России античность!
Блуждаю по свету с клюкой,
А был знаменитая личность.

Кому теперь нужен старик,
Коль доброе дело не ладит.
А был я природный печник,
Клал печки и дед мой, и прадед.

Бывало, с поклоном идут
К тебе, словно к светлому князю.
А нынче печей не кладут,
Дома все на паре, на газе.

Я делал узорами дым –
По-разному вились колечки.
Сейчас в красоту не глядим,
Остался Емеля без печки.

Прощай, поминай старика...
И словно его не бывало.
Но долгая речь печника
Мне долго уснуть не давала.

Ушло ремесло. Не сберечь...
И так защемило под сердцем –
А что если русская речь
Своих растеряет умельцев?

Из книги
"В прегисном сянье"

ЛОКНО

Еще вдали мерцают окна
В ночном безмолвии полей.
Еще жива деревня Локно
На бедной родине моей.
Еще она, как рыба, бьется
У ивнякового куста.
Еще полны ее колодцы,
Глубокие, как омуты.
Родимый край, я много видел,
А здесь – как в душу колея.
Да кто же так тебя обидел,
Земля родимая моя?
Неужто мы и в самом деле
Временщики – никто, ничто?
Неужто что-то проглядели
И до сих пор не знаем – что?
Мы долго вслушивались в слово –
Приказ ли лучше, иль указ?
И не заметили, как снова
Нас опрокинули на нас.
Опять, опять мы замечтались
И проворонили свой день.
И вновь вполношно замечтались
Огни тревожных деревень.
Подслеповато и бессильно
У полусгнившего плетня
Как на потерянного сына
Старуха смотрит на меня.
Крепись, крепись, родное Локно,
Печаль – она и есть печаль.
Еще протрутся наши окна
И дальнотзорко глянут вдаль.

***

Порознь живем на земле.
Плачем, когда хороним.
И о добре и зле
Все огород городим.
Дальше себя – межа.
Всяк – за своей межою.
Скоро своя душа
Станет чужою.
Маленький клоп войны
Правит ее недугом.
Нам не хватает вины
Друг перед другом.
Зависть, гордыня – хлам,
Прах и земная нажива.
Только любовь есть храм!
Все остальное – лживо.

***

Стало больше в полях серебра!
Стали наши свиданья короче.
Налетели на землю ветра,
Опустились холодные ночи.

Утром иней на крышах блестит,
Ветер листья над рощей терзает,
И снегирь как-то глухо свистит
Там, где куст восковой замерзает.

Что же гонит тебя, человек,
На свиданье с отеческим краем,
Где и холод, и морось, и снег
Все равно тебе кажутся раем?

***

В эту ночь за окном, сутулясь,
Старый сторож простудно чихал.
В комнатушке с единственным стулом
Умерла наша дворничиха.

В этот день в доме густо плавал
Запах стружек и запах воска.
На поминках никто не плакал,
Только сторож напился в доску.

***

Милая Родина, что с нами было?
Как завязать нам сумели глаза?
Но неужели душа разлюбила
Эти идущие в ночь небеса?

Грустно гляжу на родное кочевье
Звёзд, рассыавшихся в медленной мгле.
Свете таинственный, Свете вечерний,
Дай долюбить мне на этой земле.

Дай дожалеть мне святые могилы,
Скорбные ивы, поля без огней.
Родина, Родина, где наши силы,
Гордая поступь твоих сыновей?

Чувства, как угли, горят под золою.
Сколько хранить нам под пеплом тепло?
Верую, Свете: над русской землёю
Время сияния не истекло!

***

Туманный день растет из недр болотных,
Здесь ягоды на кочках горячи.
И слышно мне, как из глубин холодных
На свет стремятся чистые ключи.
На свет, на свет! И нет пути иного.
Запомню луч и ягоды в горсти,
Чтоб, уходя из времени земного,
Я как признание мог произнести:
Среди дождей я жил себе дождейкой,
Среди листвы и мой листок желтел.
Средь ярких трав я просто был травинкой,
Средь облаков я облачком летел.

***

Разучиться бы мне говорить
О воде, о сосне, о синице.
С морозящею веткою слиться –
Научиться бы мне говорить
У воды, у сосны, у синицы.
Попросить бы у августа – мая,
Тишь – у ветра, у снега – росы.
Жить, от жизни бы отставая,
Словно дедовские часы.
Но летят, как заведено, тучи,
Но трезвонит мне солнечный час.
И никто никого не научит
И от жизни отсрочки не даст.

***

Что ни горка во мраке – то дом без огней.
Что ни тропка – дорога в селенье.
А взглядишься – лишь скирды стоят среди полей,
И тропинки – одно наважденье.
Вроде слышишь: телега проселком стучит.
Остановишься. Степь без движенья.
И таких тебе призраков насочинит
Полуночное воображенье!
И как будто бы мыслям тревожным в ответ
Стук опять донесется до слуха...
И догонит меня на телеге сосед
В самом лучшем присутствии духа.

ИСПОВЕДЬ

Березы, рядом посидите.
Мне каждая из вас – сестра.
Не уходите, пошумите
И посветите до утра.
Давно ли, день в полях встречая,
Я думал, падая в траву,
Что без ромашек, иван-чая,
Без вас – я дня не проживу.
Такая радостная воля
Входила в сердце, как мольба,
И тайна меркнувшего поля,
И стонущие ястреба.
И столько птичьих колоколен
Звенело в уши мне. И вот...
Нет, я не болен, я не болен –
Мне светлых дней недостает.
Березы, рядом посидите.
Мне каждая из вас – сестра.
Не уходите, пошумите
И посветите до утра.

ВЕСНУШКИ

Как первую весть обновленья,
Весенний торжественный миг,
Я чутко ловил появленья
Курносых веснушек твоих.
И словно бы древний художник,
Я в тайные краски проник.
Светился, как солнце сквозь дождик,
Твой нежно-веснушчатый лик.
Конечно, смеялись подружки:
“Опять целовалась у верб”.
Но вновь убывали веснушки,
Как солнышко шло на ущерб.
Промчались весенние воды
И с вербы безоблачный пух.
И вот через долгие годы
Мелькнуло лицо твое вдруг.
Мгновение ярко и мило.
Гляжу. Виноват без вины.
Зачем же, зачем же ты смыла
Поющие капли весны?

НА СЕНОВАЛЕ

Ночью полнолунной предосенней
Воздух сада ясно-молодой.
Хорошо с любимой спать на сене,
Положив под голову ладонь.
Верещит кузнечик не смолкая,
По углам сарая тишина.
Хорошо, глаза не размыкая,
Быть влюбленным и на грани сна.
И во сне, пропахшем резедою,
Яблоками, утренним лучом,
Чувствовать дыханье молодое
Занемевшим в радости плечом.

***

Прости мне в пречистом сиянье
За темные годы мои.
На теплой заре покаянья
Не поздно молить о любви.

Не поздно в березовой чаще
Заплакать, не чувствуя слез,
О всех над землей просиявших
Сияньем соборных берез.

Когда над бесовством и срамом,
Как древняя совесть земли,
На крыши порушенных храмов
Босыми березы взошли.

Прости мне их крестную муку,
Где страшно и глянуть в провал...
Как будто им светлую руку
Скорбящий Господь подавал.

***

Я в чувстве своем суверен,
Мне кажется, я уже был...
Что птицы, и камни, и звери –
Лишь знаки неведомых сил.

И в дыме, летящем по полю,
И в запахе лунных веществ
Я чувствую дикую волю
Не сродных со мною существ.

Наверно, идет между нами
Какая-то дружба, борьба.
Я чувствую ночью глазами,
Как около ходит судьба.

НЕКОГДА

Леониду Моисееву

Всё замерло под знойным небосводом:
В полях стоит душистая жара,
И розовые тонко брызжут медом
Горячие под солнцем клевера.

Ни трепета, ни дуновенье тени
По раскаленным ржам не пробежит.
Лишь, как живое выражение лени,
Широкий лунник в мареве дрожит.

Всё потеряло жизнь, всё потеряло волю.
Вода в реке и та изнемогла.
Но посмотри, как мечется по полю
Среди цветов звенящая пчела.

Ей даже злиться некогда родимой,
Еще ей надо с медом долететь,
Чтоб вновь к цветам вернуться невредимой
И крылышек в пути не истереть.

И пусть жара сгущается над рожью.
Но никакой полуденный огонь
Не остановит труженицу Божью,
И ты ее, неспящую, не тронь!

ШАГИ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Александр Пушкин

В Михайловском лампада зажжена...
Далеко Пушкин... Ветер хороводит...
Арина Родионовна одна
В бесслезный мир безропотно отходит.

И немощь ей указывает путь,
И тень ее уж от неё отстала.
Но хочется на Сашеньку взглянуть, –
Она б светлей пред Господом предстала.

Она бы полный обрела покой...
Еще бы раз увидеть и заохать
И слабою, полуслепой рукой
Кудрявую головушку потрогать.

Здоров ли он? И пишет ли стихи?
Она один на память заучила.
Смеркается... Но Пушкина шаги
Она б и в смертной дрёме различила...

***

Как в играх детских лет –
Закрыв глаза – кому?
Мы поделили свет,
Мы поделили тьму?

Мы поделили дождь,
И ветер, и метель.
И между нами ложь
Цветет, как повитель.

Так разорвался круг,
А вспыхнул крест дорог
На север и на юг,
На запад и восток.

Куда нас завела
Бесцельная борьба?
Глядим, как два орла
Со старого герба.

Куда ни повернись –
Такая круговерть.
Мы поделили жизнь!
Давай поделим смерть?

***

Хочешь познать обман –
Крикни, что ты велик...
Русских полей туман
Не окрылит твой вскрик.

Эхо не даст ответ,
Что впереди стена.
Только поющий свет
Высветит мир до дна.

Станет видна зола
Тускло летящих дней.
Тот, чья душа светла,
Станет отца родней.

Станет родней язык
Истин, а не примет.
Тот, кто кричит на крик, –
Не оставляет след.

***

Сергею Пискунову

Есть у меня одна
Лучшая из отрад:
Выйти, когда луна
Светит на темный сад.

Тихо стоять в саду,
Там, где листву видней.
В небе найти звезду.
Перегляднуться с ней.

Шум налетит, как весть,
Но не рассеет свет.
Может быть, это и есть
То, чего в жизни нет.

***

Жить на ветру ожесточенья,
Подозревать вокруг обман,
А написать стихотворенье
Про некий сладостный туман.

Весну предчувствовать по лицам
И остро жаждать новизны,
Но быть всего лишь очевидцем,
А не вершителем весны.

Принадлежать к такому кругу,
Где помощь ближнему в чести,
Но не поднять с колен старуху
И через лед не перевести.

К восторгам дня примерить вечность,
Не спутать с явью миражи,
Но не понять, что человечность
И есть бессмертие души.

РАВНОВЕСЬЕ

Ивану Мосякину

Светлый дождик идет,
Словно радостный гость.
За холмами пасутся кони.
У меня, славянина, широкая кость,
Сини очи
Да голос спокойный.
Добрый гром мне – отец,
Поле чистое – мать.
Внук небес – выпал дар мне редкий:
Топну правой ногой – будет терем стоять,
Топну левой – и холм
Подпояшется речкой.
Что мне надо?
Зеленый да синий покой
Да крылатые брови песни,
Чтоб стучало, живое, оно под рукой –
Равновесье земли
И мое равновесье.
Пусть пчела собирает свой радостный мед,
Пусть вода прибывает в колодце.
И когда-нибудь сердце мое пошатнет
От избытка осеннего солнца.
Упаду я в траву,
Никого не виня,
Теплый дождик
Мой день занавесит...
Просто сердце мое
Станет больше меня,
Просто сердце меня перевесит.

***

Душа земли как нива сжата –
Ей не молился человек.
Никто через плечо заката
Не заглянул в грядущий век.

Но, захотев летать повыше –
Через восход, через закат,
Как дети камни через крышу,
Снаряды мечем наугад.

И в слепоте своей зверея,
Не чуем осыпи дорог.
И все быстрее, все быстрее
Земля уходит из-под ног.

И океан, вздымаясь грозно,
Готов покрыть твердыни грех...
И может быть, еще не поздно
Рубить спасительный Ковчег.

***

Утро белого хруста
Синим дымом прогоркло.
В огороде капусту
Режут бабы под горло.

Хруст висит над садами,
Словно первый зазимок.
Далеко за прудами.
Луг от инея вымок.

Из книги
"Путь невозвратный"

***

Постой на пороге осеннего дня,
Послушай листву уходящего лета.
И если, родная, ты любишь меня –
Окликни, я выйду из долгого света.

Окликни и верную руку подай,
Как звездную ветку персидской сирени.
Как если бы снова наш ситцевый май
Цветы осыпает тебе на колени.

То белый, то желтый, то синий цветок.
Ты их на лугу собирала босая,
Когда заплетала свой первый венок
И в быструю воду на счастье бросала.

Багряные листья летят в высоту.
Скажи мне сегодня: я самый любимый!
Я сам тебе в черные косы вплету
Две самые алые грозди рябины.

ВОРОН

При свете сгустком темноты
На мхе зеленом отражался.
И сизым клювом зарывался,
Как будто в красные цветы.

Давился жадно краснотою,
Крылами судорожно тряс,
И зло круглился влажный глаз,
Налитый дикой чернотою.

Не отрываясь от земли,
Зрачком охватывал полнеба.
Дымились крылья и цвели
Отливом траурного крепа.

Насытись, клюв отер о былья
И прынул в сумеречный лес.
И мох, обмятый чернью крыльев,
Вдруг перенял зловещий блеск.

ТАМ, ГДЕ ГОРЕЛ МОЙ КОСТЁР

Там, где горел мой костёр,
Там, где веселие шло, –
Всё, что я в памяти стер,
Новой травой поросло.

Что ж я стою и молчу?
Там, где веселие шло,
Имя твое не шепчу,
Может быть, время прошло.

Время любви и удач,
Годы, теснившие грудь.
Можешь – так переиначь,
Хочешь забыть – позабудь.

Нет, ничего я не стер,
Не позабыл, не молчу.
Там, где горел мой костер,
Снова согреться хочу.

***

Молнии в небе,
Ломаясь, грохочут.
А он и не слышит.
Он вышел из дома.
А ливень хохочет:
– Куда же ты вышел?
А он только шепчет,
Словами измучен:
– Я сын мироздания!
– Я плохо расслышала, –
Молвила туча:
– Какое создание?
– Он сын мироздания,
Он сын мироздания, –
Гром трясся от смеха.
– Какое незнание,
Какое незнание! –
Сорочило эхо.
Молнии в небе,
Ломаясь, грохочут.
А он и не слышит.
Он вышел из дома,
Он что-то бормочет.
Он песню напишет!

ЧЕЛОВЕК

Любит свинец висок.
Вольный орел – высь.
Любит вода песок,
А человек – жизнь!

В небе летит звездой,
Ловит свинец виском.
Станет воде – водой.
Станет песку – песком.

***

Есть роща белая. Прохлада.
Родник, мне родственен душой.
Глоток воды – вот всё, что надо
Перед дорогою большой,
Чтоб в жажде губ не размыкая,
Я кожей чувствовал его.
Глоток воды родного края –
Всего лишь – больше ничего.

ШУМ

Темнеет ясно, как светает,
Как будто посторонний звук
Всё налетает, налетает,
И зренье переходит в слух.

Волна отхлынувшего жара
Листву заденет. И угрюм,
Как от незримого удара,
В деревьях зародится шум.

Сначала легкий, бестелесный,
Еще ничем не напряжен.
Потом с натугою железной
Он вырвется тяжеловесный,
Как из тоннеля эшелон.

И под всполошный крик вороний
Вершинами шатнется бор,
Как будто разум посторонний
Влетел в чужой ему простор.

***

Падает снег – от света
Кружится голова.
Будто вращают где-то
Белые жернова.

Белый от снега ельник,
Белый от снега стог.
Сам я в снегу, как мельник,
Бел с головы до ног.

Боже, под этим небом
Можно сойти с ума,
Пахнут сугробы хлебом,
Мелет свое зима.

АПРЕЛЬ

Апрельский сумрак – головокруженье,
Когда стою, а кажется – бегу.
Вечерние играют отраженья
На голубом под соснами снегу.

Еще до вербной выпушки недели,
Пока земля отгадет до корней.
А кажется, макушки посветлели
И стала гибкой тяжесть у ветвей.

КОНИ

И не ветер, и не вьюга,
И не посвист, и не крик.
Полям-полям, лугом-лугом
Скачут кони напрямик.

Громче-громче, тише-тише
Колоколец всё звенит.
Дальше-дальше, ближе-ближе
Монотонный гул копыт.

Кони скачут, скачут кони.
Трется месяц о столбы.
От какой еще погони?
От какой еще судьбы?

И не вьюга, и не ветер,
Голоса не голоса.
И не мглою, и не светом
Затуманены глаза.

То ли сон о дикой воле,
То ль придуманная быль?
Были кони, если в поле
Широко примят ковыль!

***

Малинником шумно ломился,
Надеясь – расступится лес.
При мысли, что я заблудился,
К малине пропал интерес.

И в том, как цветы притаились,
И в том, как сверкала роса, –
Почудилось: остановились
На мне чьи-то злые глаза.

И жутко мне стало. Я крикнул
В тревожный, глухой бурелом,
И ворон оттуда мне скрипнул
Сухим застарелым крылом.

И долго толкал меня в спину
Чужой вековой холодок.
С тех пор по лесную малину
Я больше один не ходок.

***

Вот она, Родина,
Как на ладони,
С горки зеленой видна.
Тихо заржали
За речкою кони,
Грустно ответила им
Тишина.
Легкое облако
Встало над лугом,
Тень побежала окрест.
Вот они, вечные
Счастье и воля
Милых родительских мест.
Здесь я в начальной
Школе учился,
Змея пускал на горе.
В низеньком домике
Сам себе снился
В золоте и серебре.
Жить бы и жить
В этом ярком покое,
Речку любить, зеленыя.
Вскинули головы
Чуткие кони
И не узнали меня.

***

Александрю Лысенко

Кленовых листьев сотовый багрянец,
Березовых – сухая желтизна.
Калины холодеющий румянец –
Всё оттенит небес голубизна.

Она везде печалинку о лете
Отыщет и поможет прозвенеть.
Но не сумеет в предзакатном свете
Заставить лист опять позеленеть.

АВГУСТ

Светлый месяц дождиком рассеян,
Тьма сарая старого густа.
Нежно пахнут яблоки на сене.
Тишина. И дверь не заперта.

Скоро-скоро с первою зарницей,
В медленной ночи освещена,
Ты пройдешь по старым половицам,
Так, как ходит только тишина.

Молодая, на заре медовой,
С тихим жаром маленьких ступней,
Ты замрешь от счастья молодого.
Я замру от радости твоей.

ДОЛГИЙ СВЕТ

Вслед за шумною листвою,
Открывая высоту,
Выпал снег, и всё живое
Стало видно за версту.

Четки зимние приметы.
Вьется в поле санный след,
И стоит за далью света
Одиноко долгий свет.

***

Птиц в рябиннике ловить,
Слушать дождь в осиннике.
Посох в липнике сломить,
Дудочку – в бузиннике.

Песни петь в березняке,
С милою любиться.
В поднебесном сосняке
Господу молиться.

Грезить сладостно былым
С думою о славе
И вдыхать ее, как дым,
В золотой дубраве.

Плакать в вербнике весной,
Жизнь сравнить с капелью.
И уснуть последним сном
Под шатровой елью!

СМЕРТЬ СОЛОВЬЯ

Болит, болит моя головушка.
Деревья в роще поутихли.
Вчера повесился соловушка
На самой тонкой паутинке...

Ни друга не было, ни брата
Среди чириканья и стука.
И роща, словно виновата,
Не может вымолвить ни звука.

КОЛЬЦО

Сыновним чувством схваченный в кольцо,
Смотрю, как дождик трудится над пашней.
Какое было у отца лицо
В атаке той последней рукопашной?

Накатывалась едкая слеза
От близкого слепящего разрыва.
Какими были у отца глаза,
Когда залег весь батальон прорыва?

Какою мыслью был он напряжен,
Минуя поле минное вслепую,
Когда взяла убийственный разгон
Ему навстречу снайперская пуля?

Быть может, смерть заметила его
В бинокли с наблюдательного верха?
Я знаю всё о штурме Кёнигсберга,
Я об отце не знаю ничего.

СЕРАЯ ПЫЛЬ

Алексею Дронникову

Солдатской колонны маршевый шаг,
И выдох и вдох один.
Но женщины скорбный прощальный взмах
Напомнил мне, чей я сын.

Забыл я, забыл я родимый дом,
Сирень у резных крылец.
Но марш военный напомнил о том,
Что был у меня отец.

Колонна идет, как взрывная волна,
Трубач полковой охрип.
Как будто идет сквозь меня война
И все, кто на ней погиб.

И нет мне дороги домой до конца,
Забвенья врывается в быль.
И смертные слезы не смоют с лица
Солдатскую серую пыль.

ЗАВЕЩАНИЕ

– Похороните, как на фронте
Своих друзей я хоронил.
Шинелью старую накройте,
Я сорок лет ее хранил.

Еще сказал он, умирая:
– В гробу протезы не нужны...
Прими его, земля родная,
Он наконец пришел с войны!

ВЗГЛЯД

В кострах кленовые листья
Душисто тлели...
Зачем оглядывалась ты
В конце аллеи?

Как будто облачко тепла
Меня коснулось.
Я понял – молодость прошла
И оглянулась.

На дым, стелившийся на сад,
На листья сада.
Я все забыл. Но этот взгляд...
Светлей, чем надо.

О ТЕПЛЕ

В берегах отстоялась вода,
Ждать недолго уже непогоду.
Зябко светит ночная звезда
В золотую озерную воду.

Стал тусклей и сонливее день,
Удлинились в полях километры.
Задрожали огни деревень.
Засвистели осенние ветры.

И, шагая в предутренней мгле,
Возле зарослей бывшего дома,
Я подумаю вдруг о тепле,
Что хранит еще ворох соломы.

Я ЗАМЕТИЛ...

Я заметил, осенью бывает,
Шорох листьев обостряет слух.
Если ветер в поле завывает,
Так тревожно делается вдруг.

Словно ты один на белом свете.
Воет ветер, листья вороша,
Словно у кого-то на примете
Вся твоя смятенная душа.

***

Скоро-скоро отцветет долина,
Скоро пчелам погружаться в сон.
На бордовой шапке георгина
Греет крылья дивный махаон.

То поднимет крылья, то опустит.
Воздух сада остекленно густ.
В сизо лиловеющей капусте
Зреет первых заморозков хруст.

Вон уже ракита стала пестрой,
Стало в небе больше высоты.
Я не знаю, отчего так остро
Вглядываюсь в листья и цветы.

Может быть, от той звезды-полыни
Раньше срока можжевельник сух.
Чувство, незнакомое доньше,
Болью перехватывает дух.

Я не знаю, может скоро-скоро
Зарастет здесь лебедой крыльцо.
Я вот так же вглядывался скорбно
В мамино предсмертное лицо...

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОНЫРЯХ

Помню Поныри! Птицы кричали.
В дальней роще дымился костер.
Задохнулась душа от печали,
Обожглась о сентябрьский простор.

.....
Здесь они ожидали подмогу.
Здесь броню прожигали глаза!
...Лист кленовый слетел на дорогу
Прямо в рубчатый след колеса.

Плачь, душа! Ты обязана многим –
Искалеченным и убогим...

Плачь, душа, и гори до конца.
Вон стоит у ларька одноногий,
Это он не дождался подмоги...

Это я не дождался отца!

ТЕАТР

За монастырской каменной стеною,
На грозовом стрижином сквозняке
Мой взгляд нетерпеливо остановит
Запекшаяся роза на песке.

Она мне тайну грустную поручит.
Последний срок. И вот он предо мной.
В тугой мундир затянутый поручик,
По-прежнему удачливый и злой.

Разделят нас стрелой зеленой дерна.
Горячий остров. Яркая вода.
Что, секунданты, сполоснули горло?
Прошу вас, начинайте, господа.

Сломает бровь высокую поручик,
Примериваясь к росту моему.
А почему мне не стрелять получше,
Скажите мне, поручик, почему?

Мне лучше знать, что я в туза вгоняю
Пять из пяти – холодная рука.
Уж я вам, сударь, солнце разменяю
На два тяжелых медных пятака.

Но прежде чем нажать на спуск гремучий,
Сухой дымок увижу впереди.
Ударит в губы воздухом колючим
И перевесит крестик на груди.

Спектакль окончен, пробили куранты...
Как медленно сознание идет.
И к публике выходят секунданты,
И руку мне поручик подает.

ЧИТАЯ БУНИНА

Вячеславу Клыкову

Читаю Бунина. Смеркается.
Но даль еще освещена.
И птица медленно, как странница,
Летит, на весь простор одна.

Как трудно жить парящей птицею
В сожженной злобою стране.
Сижу над бунинской страницей
В каком-то странном полусне.

Нет близкого и нет далекого.
Есть восходящий лунный круг.
От одиночества высокого
Мне перехватывает дух.

Его душа была олунена –
Не разрыдаться, не вздохнуть...
В терновом странничестве Бунина
Мерещится мне русский путь.

КЛАД

Прах встает вдали.

Афанасий Фет

Все, что было, – прахом сплыло,
Никаких примет.
Где, скажи, твоя могила,
Афанасий Фет?
В дни, когда в кровавой злобе
Шел на брата брат,
Не в стихах, а в тленном гробе
Твой искали клад...
...Край поэта сердцу дорог,
Я стою, притих:
В этих рощах, в этих долах
Твой написан стих:
“Я пришел к тебе с приветом...”
Так прими поклон
С отягченных белым светом
Четырех сторон.
Может буду я услышан.
Замирая жду...
Оцветь розовая вишен,
Как туман в саду.
...Может мы еще отмолим
Грешный край земли.
Вон, как облако, над полем
Прах встает вдали.

В ДАВНИЕ ГОДЫ

Половодье кладбище крушило,
Суеверных бросало в озноб.
И однажды на луг притащило
Коронованный золотом гроб.

Дорогая была домовина,
Как и тот, кто в нее погребен.
Но никто не узнал господина
По суровости новых времен.

Гроб столкнули в бурлящую воду.
Долго плыл он... И где-то исчез
Неудачник дворянского рода
И волшебник изящных словес.

И последнее слово извета,
Как молва в том краю говорит:
Речка сохнет, деревня горит,
А пустая могила поэта
Ключевую водою кипит.

***

Вот она, драма земли,
Драма деревни –
В ребра стропил проросли
Ветви деревьев.

Ветру раздолье выть.
В окна и двери
Стали влетать и входить
Птицы и звери.

Воздух тлетворен и сыр,
Как на погосте.
Скоро слетятся на пир
Дикие гости.

***

Во дни сомнений...

Иван Тургенев

Во дни сомнений роковых
И тайн глубоких
Я вспоминаю всех живых
И всех далеких.
Они проходят чередой,
Как тень за тенью.
Потом становятся звездой,
Водой, сиренью,
Туманом легким луговым,
Долинным зноем
Над бестелесным и немым
Земным покоем,
И нет ни мертвых, ни живых...
И нету силы
Окликнуть каждого из них,
Они – Россия...

ПТИЧИЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ

Благостен, таинственен и кроток,
Жил он, не жалея ни о чем,
Солнцу улыбающийся отрок
По прозванию Митя-дурачок.

Странной властью Митя был отмечен,
В сад его зеленый потому
Прилетали птицы всех наречий
И садились на руки к нему.

Сколько было пенья золотого,
На четыре улицы слышать.
И старухи Митю как святого
Чтили за такую благодать.

Митя, Митя – птичий повелитель,
Как он плакал, маму хороня...
И его в казенную обитель
Спрятала далекая родня.

Потужили и забыли быстро.
Жизнь идет и некогда страдать.
Только вдруг на улицах тенистых
Стало птичьих песен не хватать.

Никого он в жизни не обидел
И его обидеть было грех.
– Видел Митю, видел Митю, видел? –
Спрашивают иволги у всех.

Из книги
"Складень"

ЗАПОЗДАЛЫЕ СОЛОВЬИ

Легко говорил о любви,
И верилось в это без муки,
Когда бы не те соловьи,
Что пели о поздней разлуке.

И странно, в сентябрьском саду,
Когда уже листья летели,
В таком несказанном ладу
Они, запоздалые, пели.

Все было, как в ранней весне.
Каким они чудом остались?
Деревья стояли во сне,
И листья не падать старались.

***

Ушла в соловьиную поросль,
Туда, где синеют леса.
И долго был слышен твой голос,
Но не было видно лица.

Жалейка играла, в долине
Ложилась широкая тень.
И чудно на самой вершине
Тебя осветила сирень.

Запомнил мгновение это,
Когда уже вся за горой
Ты скрылась, а облако света
Еще оставалось тобой.

***

Кем любима она, кем брошена?
Жилка тонкая на виске.
В этой женщине столько прошлого,
Как в дремучей лесной реке.

Как прекрасное из видений,
На скамейке сидит одна.
Нежной отцветью всех сиреней
Так прощально озарена.

Встрепенулась, поправив прядку,
И ушла, как уходят в сны,
Будто солнечную оглядку
Вдруг поймала со стороны.

СОН

Не скрипи, коростель, монотонная птица.
Не шепчитесь, деревья, в зеленом саду.
Спи, любимая, спи...
На пуховых ресницах
Нелегко удержать луговую звезду.

Пусть осыпаются в сон невесомо зарницы
И шелковых овсяниц золотая пыльца.
И, как бабочки,
Крылья сложили ресницы –
Это сон подошел и коснулся лица.

***

Николаю Силаеву

Не люблю я плененного пения птиц.
Золоченому уху не слышен божественный хаос.
Я учился у вольных щеглов и синиц
Отличать безголосье от ангельских пауз.
В облюбованных и заповедных местах,
Где в глубоких снегах нет звериных отметок,
О, как пели они на репейных кустах,
Осыпая алмазы зальделые с веток.
Зеленеющий воздух вблизи розовел
Зимней выцветью птичьих оплечий.
Мне казалось, я сам вместе с птицами пел,
От восторга забыв про язык человеческий.
Я губами чижиный вытаивал звук,
Снегирю подражал укороченным стоном
И щеглу, словно падало блюдце из рук,
Отвечал на повторы разбрызганным звоном.
И овраг, освещенный до самого дна,
Словно кубок сверкал драгоценностью граней.
О, как пела душа, позабыв, что она
Только Божий сосуд для земных замираний.

***

Целую ли милые руки,
Всхожу ль на родное крыльцо —
Дыханием вечной разлуки
Нет-нет, да повеет в лицо.

Как быстры шаги листопада...
Гляжу на рedeющий сад,
Где астрам земная прохлада
Уже отуманила взгляд.

Деревьям в саду не согреться
Холодным огнем высоты.
Но можешь еще опереться
Дыханьем на эти цветы.

***

Не уложишь в голове
Жаворонка колоколец,
Винтовой полет лимонниц,
Просто листья в синеве.

И придумано не мной,
Друг мой, даже не тобою
Это небо голубое
Надо мною, над тобой.

ПЕТУХ

Я сегодня в поле вышел
И подумал вдруг:
А давно ведь я не слышал,
Как поет петух.

Чистый снег его напомнил,
Или запах дня?
Только радостью заполнил
Этот звук меня.

Как забытый голос друга,
Голос о родном.
Но ведь не было же звука,
Только мысль о нем.

***

Душа моя, не покидай...
Побудь со мной, хотя бы около.
Не дай мне Бог... не дай, не дай.
Звезда высокая. Вода глубокая.

Не раз спускался я до дна,
А ты ждала меня из пропасти.
Тебе вся жизнь моя видна.
Прости, прости, за все прости.

ПРОЩАНИЕ

У перронных фонарей
Мы закончим нашу повесть.
Ах, бежим, бежим скорей,
Это твой последний поезд.

И последней из страниц
Будет краткий свет разлуки.
Выпускаю твои руки,
Словно двух озябших птиц.

Поезд дал сигнальный свист,
И, горящий, по перрону
Полетел осенний лист
Вслед зеленому вагону.

Утром сердце защемит,
Звук поймаю и опомнюсь.
Где-то он сейчас летит,
Дней моих зеленый поезд...

***

Стихи полночные звучали
Наперебой, наперехват.
И лишь его уста молчали
О том, о чем не говорят.
Сидел поэт в чужой квартире,
Нездешним холодом сквозя,
Как будто ведал в этом мире
То, от чего уйти нельзя.
Душой бездонной содрогаясь,
Он слушал громких храбрецов,
Овеществленный, словно хаос,
С его трагическим лицом.
Как будто видел в сгустках ночи,
Чего и днем не разглядеть.
Как будто он давно просрочил
Не только жизнь, не только смерть...

БЕЛЫЙ ПУТЬ

Василию Катанову

Стали приметы вещими,
Стала душа замирать.
В каждой печальной женщине
Вижу родную мать.

Выйду ли в поле зимнее
Глянуть на белый путь –
Чувство невыразимое
Мне обжигает грудь.

Крикнет ли в роще птица –
Весь я настороже.
Что-то должно случиться...
Может, случилось уже?

Может, за этим садом,
Может, за тем холмом.
Может быть, где-то рядом,
Может, во мне самом.

***

Опять, как в семнадцатый год,
Нет выхода – нет и исхода.
И черный невыносимый гнет
Опять на закорки народа.

Все те же грядут времена,
Все те же посулы богатства.
Россия, ты снова одна,
Как вечная узница братства.

Родная, в веках золотых
За что же, за что же ты билась?
Трава на могилах пустых
От ужаса зашевелилась...

ТЯЖЁЛАЯ ЗЕМЛЯ

Я держу на ладони осколок,
Ведь когда-то он был огневой.
Сколько этих свистящих иголок
Пронеслось над моей стороной!

Мы к себе никого не просили
И в чужие не лезли поля.
Здесь, на каждой высоте России,
Тяжелее, чем надо, земля.

***

Мир ловил меня, но не поймал.

Эпитафия на могиле Сковороды

Лови меня, мой мир, лови!
На немоте моей до крика,
На ненависти и на любви,
На всем, что мелко и велико.

Лови по рощам и лесам,
Запечатлей на фотоснимке.
Лови, как если бы я сам
В своей участвую поимке.

Я сам ловить себя велю,
Пока мой адрес на конверте.
Лови, как я тебя ловлю.
Пока ты ловишь – я бессмертен!

БЕРЕГ РОДИТЕЛЬСКИЙ

Тихо и ярко в родимой долине.
Речка навстречу бежит.
Берег родительский. Дуб на вершине –
Солнце по листьям шумит.

Влагой воздушной в зарослях веет,
Пчелы летят по лучу.
Вот и могила твоя зеленеет.
Что ж я не плачу, молчу?

Небо глубокое. Ясные воды.
Ласточки свист над крыльцом.
Облачко белых ромашек наводит
Светлую тень на лицо.

ВЕТЕР

В ледяные осенние ночи,
На земные огни разъярясь,
Как он воет, как дико хохочет,
Как в трубу он бубнит и бормочет –
Над теплом и уютом глумясь.

Что он хочет и что он так ищет,
Что стучит у дверей и ворот?
В человеческом хрупком жилище
(Дом под крышей, как лодка вверх днищем)
Что покоя ему не дает?

То затихнет, то в новом буянстве
Изломает деревья окрест.
Словно нет ему воли в пространстве
И шипит он, как змей в окаянстве,
На оконный связующий крест.

ТРУТЕНЬ

Он червонцем, как яблоком, хрустнет
Перед тем, как вином угостить
И потянет глухим захолустьем
От его поучения жить.

Словом, вот оно, верное средство –
Жить, не думая, что там в конце.
И довольная тень самоедства
Так и будет блистать на лице.

Золотятся лозинные прутья –
Неплохая бы вышла метла...
Буду молча разглядывать трутня
Сквозь прозрачную осень стекла.

***

Ивану Рыжову

Дом престарелых. Глухая тоска.
Пахнет оттопленным воском.
И полусонный полет мотылька
К свежеструганным доскам.

Скитская нежиль бревенчатых стен.
Блеклой листвой источаем, –
Тонкий, осенний таинственный тлен,
В сущности, сам беспечален.

Кладбище, видимо, недалеко...
Там, где цвели маттиолы, –
Улей без крыши и на летке
Сохлые мертвые пчелы.

МОЛИТВА

Мать Мария, Великая Мати,
Да святится дыханье твое!
Ниспошли мне на теплом закате
Материнское слово свое.

Из груди вырываются звуки
Благодарной сыновней любви.
Возложи осиянные руки
На незримые раны мои.

Богородица, свет, упование,
Проведи через пустынь и тьму,
Чтобы я возвратил, как дыханье,
Просиявшее слово Ему...

ПРОЩАНИЕ

На закате перед образами
В только ей известные края
С тихими незрячими слезами
Отходила матушка моя.

И просил единственно одно я
Перед грозным мигом немоты:
– Солнышко, неслышное, грудное,
Подожди закатываться ты!

Дай ты этой женщине печальной,
Терпеливой матери моей,
Миг покоя перед тем, как дальний,
Вечный путь раскроется над ней...

ОГНИ

Где-то за далью рек,
Возле глухого тракта
Жил себе человек.
Жил да и умер как-то.
Словно одна из звезд
Ярко во тьму упала,
Меньше на сотню верст
Светлым окошком стало.
Помню, дорога легла
К этому темному дому.
Окна родного села
Вспомнились мне по-иному.
Вспомнился мамин платок,
Голос в ушах раздавался,
Как он мигал, огонек,
Как он из сил выбивался.

НАТАСКА

Только обмерзнет в лесу позолота
И перестанет плескать –
Старый и малый – все на болота
Ведами клюкву таскать.

Невыразимая эта натаска.
Старые мшары глухи.
Кочки пружинят пугающе вязко,
Тащут с тебя сапоги.

Ходишь, как будто по дышащей шубе,
Чешешь гребенкою мох.
Вздоргнешь, когда из таинственной глубины
Вырвется тягостный вздох...

Дедушка встретит меня у протоки,
Глянет на ведра светло.
Славные, скажет, твои наволоки,
Жаль только – лето прошло.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь. Золотая прохлада.
Зеркален полуденный час.
На острые копыа ограды
Последние натиски астр.

Цветы источают сиянье,
Последние краски вобрав.
Осеннее солнцестоянье,
Стеклянная сухость дубрав.

Встревоженный стрекот сороки,
Щеглиный залиvistый звон.
И, словно костер, у дороги
Шиповника куст раскален.

Ярчайшая зелень озимых,
Листвы опадающий хруст.
О, дней этих невыразимых
Звнящая радость и грусть.

ЦВЕТЫ УВЯДАЮТ!

Мне грустно смотреть, как на быстрые воды
Летит золотой увядающий свет.
И ты объясни это свойство природы –
Отливом, приливом, движеньем комет.

Мне легче не станет, что ты это знаешь.
Яснее не станет тебе оттого,
Как если бы ты что-то вдруг угадаешь,
А я не отвечу тебе ничего.

И все же, родная, цветы увядают!
А нынче такой растревоженный сад,
Последние листья от нас улетают,
Последние листья над нами летят.

***

Хочешь знать, отчего мне тревожно
В эту с холодом лунную ночь?
Оттого, что душе невозможно
Никому в этом мире помочь.

Ни цветам, догоревшим во мраке,
Ни летящему в небо листу.
Даже этой бездомной собаке,
Обегающей нас за версту.

И тебе в эту ночь увяданья,
Покидающей грустный мой край,
Я хотел бы сказать – до свиданья,
А шепчу почему-то – прощай.

ПЕЙЗАЖ С ДОЖДЁМ

Был день с дождем. С тропинки узкой
Сквозь сад просматривался дом.
А ниже – луг с травой тусклой
И лошадь, мокнущая в нем.

Дождь моросил, шумел по листьям,
Звучал в оконное стекло.
Но было в этих красках мгlistых
Неуловимое тепло.

Не то чтобы сказать отрада –
Невыразимый тот намек
На то, что пахнет мокрым садом
И кто-то в доме одинок.

***

Егору Строеву

Я к мысли одной прихожу беспощадной,
Терзающей зренье и слух.
Всё меньше детей на игральных площадках,
Всё больше на лавках старух.

А время в такие заломы уводит,
Что путь предсказать не берусь.
И все-таки, все-таки, что происходит
С тобою, семейная Русь?

Какая беда на тебя ополчилась –
Забыла, как сеять и жать?
Иль русская женщина вдруг разучилась
Любить и по двойне рожать?

Да разве вся радость от жизни безбедной?
В любви не бывают бедны.
Россия в войну не осталась бездетной.
Бездетность – война тишины!

Бездетным прожил – на земле как и не был.
Стареет Россия и мы.
Кому завещаем мы русское небо,
Политые кровью холмы?

Кто будет хозяин отеческим нивам?
Пришелец – земле не родной.
Чтоб русское сердце рождалось счастливым,
Отцы наши бились с войной!

БАБУШКА АНИСЬЯ

– Здравствуй, бабушка Анисья.
– Здравствуй, милый, – говорит.
И опять глядит на листья,
Долго, пристально глядит.

Сколько лет ей? Может, за сто,
Может, больше? Кто сочтет.
Но еще она глазаста,
Дом как надо подметет.

Волосы ее, как пена, –
Прах столетия на них,
До десятого колена
Помнит родичей своих.

Спросит кто-нибудь бедовый:
– Бабка, ты когда помрешь? –
У нее ответ готовый:
– Как меня переживешь!

И живет на белом свете
Древним деревом в роду –
И у смерти на примете,
И у жизни на виду.

***

Всё при мне – вожди менялись
На хороших и плохих,
За убитых извинялись,
Забывали про живых.

Поминать убитых, Боже,
На три века хватит впрок.
А живые смертны тоже,
Только им не вышел срок.

Как умрут, тогда и скажут.
Пожалеют. Всё потом...
И кого-нибудь накажут
Историческим судом.

Будет старый царь развенчан,
Будет новый на коне.
Но от этого не легче
Ни тебе, старик, ни мне.

НА ПАСЕКЕ

Николаю Старченко

Шалаш пропах душистым тленом,
Таким тончайшим – до тоски,
От рамок сотовых по стенам,
От свежеструганной доски.

От увядающего сада,
От горки яблок на полу.
И, как звезда – звезда распада,
Гнилушка светится в углу.

Я на ладонь ее подкину
И станет грустно без огня.
Открою темную холстину
И месяц глянет на меня.

Какой-то тихий, безотрадный –
Уже теряющий огонь.
И лист опустится прохладный
На обожженную ладонь.

ФЛЕЙТА

Там, где лилии блещут зеркально,
Отражая дыханье земли,
Я услышал почти музыкально
Утонченную стойку змеи.

Гипнотической музыкой теплясь,
Стрекоза на лету замерла.
А змеиное тело, колеблясь,
Как поющая флейта, звала.

Я очнулся, как будто в могиле,
И ударил по сердцу мороз –
Были полными ковшики лилий
Изумрудами мертвых стрекоз.

***

Дорога сыра и размыта,
Чернеет бестрепетный лес.
И только с березами слита
Апрельская прицветь небес.

Снежок под листвою белесой
Слежался, грязней солонца.
Вот-вот разольется по лесу
Нагретых осин зеленца.

Вот-вот и черемуха брызнет –
До лета рукою подать.
А там уж о бренности жизни
Кукушка начнет волховать...

***

Ещё вода в реке темна,
Ещё и снег лежит в низинах,
А в набухающих лозинах
Уже прогрелась тишина.

Сырых деревьев наготу
Обводит солнце синевою.
И свет, готовясь стать листвою,
Теплом заполнил высоту.

И тянет в улицы бродить,
Как будто мир тебе открылся,
Как будто заново родился
Смеяться, верить и любить.

ГОЛОС

Ветер скрипнет веткой голой,
Как щеколдою ворот.
Кто там? Выйдет в сени голос
И собаку позовет.

Слышно будет: кость ей бросит –
Мерзло стукнется она.
Отшатнется тень березы
От высокого окна.

Зарычит собака глухо.
Огонек метнется прочь.
В темной комнате старуха
Долго будет слушать ночь.

КОШКА

В этом доме давно не живут,
Обветшалый стоит в запустенье.
И ночами по стеклам скребут
Безголосые голые тени
Да, пугая покой нежилой,
Свет зеленый блуждает в окошке.
Всё хозяева взяли с собой,
Лишь забыли про старую кошку.
И ночует она за трубой,
Верность дому храня и терпенье,
Погружаясь, как в сон золотой,
В ледяное метельное пенье.

КОРОВА

Тепло родительского крова
В деревне, выжженной дотла,
Хранил не кто-нибудь – корова,
Она кормилицей была.

Казалось, что она – скотина.
А вот, поди, закон для всех:
Ее не то чтоб хворостиной,
Обидеть словом было грех.

Глазами грустными, бывало,
Так глянет в душу глубоко,
Она уж точно понимала,
Что нам живется нелегко.

Коровий сон зимой короткий,
Февраль выветривал тепло.
За тонкою перегородкой
Она вздыхала тяжело.

А ей самой бы прокормиться, –
На целый день соломы клок, –
Пока не встанет на копытца
Ее беспомощный телок.

КОЖАНКА

Кожанка старая в музее
Висит, от времени рыжа.
И видят только фарисеи
Четыре дырки от ножа.

Экскурсовод водил указкой,
Как будто нервы щекотал.
Суровым временем обласкан,
В ней некий Яшка щеголял.

Ах, если б был он просто щеголь,
Была бы песня коротка.
А он людей в затылок щелкал –
Палач железного ЧК.

Он не с мешочниками робил.
Он крупно бил и крупно брал.
Такой Есенина угробил
И Гумилева расстрелял.

А чтобы знали, как он топал,
Какого взял вчера ерша,
Проткнул в кожанке и заштопал
Четыре дырки от ножа.

ДОМИК НАД ОБРЫВОМ

Поэма

Однажды в старой бабушкиной сумке,
Хранившейся, как некий тестамент,
Я обнаружил странные рисунки
И, как на волю, вызволил на свет.
Вот дом стоит у самого обрыва.
И заросли, похожие на сад.
Дом получился на рисунке криво,
Как будто над обрывом нависал.
И снова домик на переднем плане,
А там, внизу, как взгляд издалика,
Чернеющая в мартовском тумане,
Готовая растрескаться река.
И сам еще не ведая, откуда,
Я музыку далекую схватил,
Почти во всех рисунках и этюдах
Звучал один-единственный мотив –
Мотив предощущения разлуки,
С самим собой мучительный разлад.
Как птицы, вылетели эти звуки
Оттуда, где чернел старинный сад...
Художник был кому-нибудь известен,
Остался неизвестным никому.
А может, просто был неинтересен
И временем забытый потому.

***

Я разложил рисунки по годам,
Чтоб в настроеньях не было разрыва.
Но предпочтенье все-таки отдал
Листу с названьем "Домик над обрывом".
О чем он думал, странный живописец,
Родившийся столетие назад,
Рисуя сад, рисуя только сад,

Как будто был он садолетописец?
Какую мысль хотел он донести,
Рисуя сад и домик над обрывом?
Иль это как последнее прости
Всему, что мы зовем неповторимым?
О чем он думал, старый тот художник,
Оставшийся у жизни позади?
Сквозь слезы сад рисуя, как сквозь дождик,
Какие он предчувствовал дожди?
Была близка мне музыка мольбы.
И вдруг я услышал ее начало.
Судьбою оттолкнувшись от судьбы,
Во мне моя внезапно зазвучала.
Не чьим-то, а моим тревожным садом
Уже она стояла за спиной.
Уже я слышал то, что было рядом
Не с кем-то, не когда-то, а со мной.
Я наконец нашел родную тему
Не где-нибудь, а в собственном краю.
Как в старый сад, вхожу в свою поэму,
Перед калиткой только постою...

***

Отцовский дом. Под кленом три окна
Глядели на осеннюю дорогу.
Скрипят бестарки, полные зерна,
И крестятся старухи: “Слава Богу”.
У матери светлее света взор,
Она в страде, как многие, кипела.
Как будто хлеб развозят в каждый двор:
– Ссыпай, Варвара, новина приспела!
Но мимо, мимо хлебушек идет...
Мальцам наказ – и зернышка не троньте.
Да кто бы взял. Скорей – наоборот...
Для фронта хлеб, а мой отец на фронте.

***

Ах, окна, окна с западных сторон,
Отца осталось ждать совсем немного.
Но в крайнее окошко от порога
Морозно постучался почтальон.
И сразу что-то охнуло в дому,
И как от взрыва – двери нараспашку.
Мать через свет ударилась к нему,
А он вошел и снял свою фуражку...
И мать переломилась, как былье,
И не на что родимой опереться.
Покрыло снегом голову ее –
Война, как тать, ударила под сердце.
И никого ни рядом, ни вдали,
Как будто ветром растрепало крышу.
Надолго хлебный дух из хаты вышел
И растворился в холоде земли.

***

Ах, окна, окна детства моего,
Переломленье радужное стекол.
Мне мир открылся из отцовских окон,
Любил я утро более всего!
Лишь только солнце глянет из-за туч,
И окна тотчас им завладевают,
Передают друг другу каждый луч,
Под солнцем перекличку затевают.
И освещают сквозняки над садом,
Летающих птиц и стеклышко в росе.
Частит, мелькает, вертится ограда,
Подобно спицам в быстром колесе.
Играли окна в полдень, на закате,
Сверкали, как вода на перекате,
Бежали долго за водою вслед,
Из листьев, трав вылавливали свет.

Из-за деревьев, из-за низких туч
Выхватывали луч витиеватый.
Последний отблеск. И последний луч,
Как даль сама, уже голубоватый.
Мне нравилось, когда совсем темно,
Следить, где вспыхнет первое окно.

***

Однажды был реки большой разлив,
Казалось, вся земля пришла в движенье.
Я был тогда по-своему счастлив,
Мне нравились картины разрушенья.
Вода крушила старые мосты.
Топила побережные домишки.
Потом такой достигла высоты,
Что докатилась до пожарной вышки.
Народ шумел, стекался отовсюду,
Кто нес багор, кто волочил весло.
Я никогда, наверно, не забуду,
Как лодку между льдами понесло.
Я видел, как она перевернулась
И с треском льдины сдвинулись над ней.
Впервые мое сердце содрогнулось,
И все родное стало мне родней.
Река тащила крыши и деревья...
Я разве мог подумать той порой,
Что скоро-скоро всю мою деревню
Жизнь, как река, потащит за собой.
Мне виделась с высокого откоса
Воды разбушевавшаяся власть.
Дрожала рядом старая береза,
Мне дрожь ее тогда передалась.

***

Когда коровы в травах возлежали,
Вздывая тяжело сытые бока,

Мы в город за мороженым бежали,
Зажав в ладошках по три пятака.
Нас продавщица сразу отличала,
Мы лезли на глаза, как лопухи,
И всякий раз насмешливо ворчала:
– Коровы разбегутся, пастухи. –
Наивные, мы были непохожи
На городских всезнающих ребят,
И, словно разнотравие, одёжа
На нас сверкала радугой заплат.
Они цвели без всякого зазнайства
То зеленью, то синью василька,
А все-таки у каждого – хозяйство:
Мое вот – Зорька – рыжие бока.
У ней язык шершавый, как мочало,
Подставишь чуб – залижет хоть куда,
Мы с нею вместе буквы изучали,
Она со мной мычала по складам.
Но чаще, чаще убегал я в город,
Мне нравилось от дома быть вдали,
Мой детский мир был надвое расколот,
Как на два полушария земли.
А луг лежал как раз посередине...
И оглядеться не успел, как вдруг
Дома, дома высокие, как льдины,
Загромоздились, выползли на луг.

***

Деревня стала сразу как-то ниже.
И я, забравшись на высотный дом,
Увидел нашу маленькую крышу,
Как лодочку, лежавшую вверх дном.
Я посмотрел в заречные просторы –
Оттуда, где, казалось, край земли,
Всё шли высоковольтные опоры
И за собою зарево вели.

Прощай, прощай, отцовская избушка!
Мне зарево назад не повернуть.
Через твои надежды, деревушка,
Пройдет с огнем высоковольтный путь.

***

Родимый дом. Четырнадцатый май.
Стою в саду, и слушаю, и вижу,
Как яблони клубятся через край
И белый дым окутывает крышу.
Побелены стволы и частокол,
И тянет слабым запахом известки.
Мать хлеб печет. И чист и влажен пол,
И желтый свет покоится на досках.
Мать вынимает хлебы из печи,
Несет на стол, и там на полотенце
Они лежат, круглы и горячи,
И хлебный дух заполняет сенцы.
Укроет хлеб холстиною льняной,
Три раза сбрызнет поверху водою.
...В окошко смотрит месяц молодой,
И кажется мне мама молодой.

***

Мать в новый дом идти не захотела,
А старый приготовился на снос:
“Когда умру, тогда другое дело,
Двоих снесете сразу на погост”.
Уже деревня вся переселилась,
Остались беспризорными сады.
И только мать одна не торопилась,
В своем дому ждала своей беды.
Однажды так со мной она сидела
И говорит: – Мне белое к лицу.
В саду сегодня яблоня звенела,
Пора идти мне к смертному венцу.

– Ну что ты, мать, – сказал я в утешенье, –
Вон сад не цвел, подождала бы ты.
– Не видела я первого цветенья
И не дождусь последние цветы.

***

К утру запахло воском в нашем доме.
Старухи мне сказали: "Уходи".
Обмыли, причесали на соломе,
Скрестили руки маме на груди.
И обрядили в смертную дорогу
Всё в белые да в черные цвета.
Шли молча люди к нашему порогу,
Сосновым бором пахла темнота.
А за окном, не поздно и не рано,
Цвели сады, всё темное глуша,
Как будто никогда не умирала
Под этим небом ни одна душа.

***

Прощай, прощай родимому порогу
И свету четырех сторон.
Есть самая печальная дорога –
Дорога материнских похорон.
Я шел по ней, охваченный тоскою,
Кому сказать последнее "прости"?
Чем ближе, ближе к вечному покою,
Тем тяжелее голову нести.
Прощай, журавль у старого колодца,
Прощай, дорожный первый поворот.
На рушниках безвесельная лодка
К своей последней пристани плывет.
Проститесь с мамой, утренние птицы,
И ты, о поле, там за синевой,
Прости и вспомни молодую жницу,
Что в двадцать лет была уже вдовой.

Прости за всё ей, бывшая деревня,
В твоём окне последний свет погас.
На кладбище, разросшемся и древнем,
Последний холмик вырастет сейчас.
И первый соловей над ним просвищет,
И первый дождик радостно прольет.
Никто в деревню тропки не отыщет,
Никто в ней не родится, не умрет.
Прощай, прощай! А сердце оглянулось,
Пчела летела от венка к венку,
Еще не веря в то, что обманулась,
Садилась снова к мертвому цветку.

***

И вот смотрю, как сносят отчий дом,
Крик ласточки мне душу потрясает,
Зачем она так низко пролетает?
Я не забуду ласточку потом!
Внезапным светом вспыхнуло окно
И засветилось грозно и глубоко,
Как будто кто-то глухо и темно
Вперил в него всевидящее око.
Пройдут года... И на исходе лет
Я буду помнить грозную примету,
Как бил из туч голубоватый свет
И окна разворачивались к свету.
Сначала крыша съехала, треща,
Раскрылилась и сухо разломилась.
Послышалось, сверчок заверещал,
И пыль столбом из глубины всклубилась.
Родного дома отлетевший вздох,
Похожий на дверное пенье.
И странные, причудливые перья
Откуда-то взлетели врасполох.
И я прикрыл ладонями глаза,
И мысль во мне подспудная окрепла,

Когда вдали ударила гроза
Во славу праха и во имя пепла!
Греми, гроза, как сотни батарей,
Пролейся, ливень, радостней и чище
Во славу праха матери моей,
Во имя пепла здесь, на пепелище!
Прощай, прощай, последний дом деревни,
Родным дождем оплаканный сполна.
На мокрые, цветущие деревья,
Как птичий пух, осела тишина.

***

Рисунок дома берестой оправил,
Нет-нет да и посмотришь на него.
Однажды я письмо себе отправил
На старый адрес дома своего.
Не знаю сам, каких я ждал известий,
Душа тянулась к синеве полей.
...И вот стою на том же самом месте –
Здесь билось сердце матери моей!
И как спросить на языке знакомом:
– Здорово, груша, как ты здесь живешь?
А кто-то грозно мне кричит с балкона:
– Эй, хулиган, чужие груши рвешь?
Стою себе, молчу себе, не трушу,
Не знаю, что ответить да и как.
Сказать, что сам сажал я эту грушу?
Он не поверит, грозный мой чудак.
Пусть покричит. Пусть он помечет громы,
И я свой сад надежно сторожил.
Ведь в этом новом многошумном доме
Он сам теперь хозяин-старожил.
А груша что? Ее здесь обирают
И делят поровну на весь подъезд.
А тут какой-то кепкою сбивает,
Стоит себе и так нахально ест.

Мальчишки рядом вытянули уши.
Ах, Боже мой, какой же я осёл!
А ну, ребята, налетай на груши,
Сейчас еще старушку потрясем.
Кричи, хозяин, весели мне душу,
Я помолчу, такие, брат, дела.
Ведь я-то помню эту тетю грушу,
Когда она здесь грушенькой была.
Как мы ее спасали от мороза,
Вокруг ствола утаптывали снег.
А где дорога – здесь росла береза,
Дорога есть, а вот березы нет...

***

Как с юностью, с поэмою прощаюсь.
Чтоб прерванную цепь соединить,
Я вновь к тебе, художник, возвращаюсь,
Не о тебе, о нас договорить.
Ты стал мне близок музыкою сада.
И у тебя звучали, как беда,
Мотив разлуки и печаль разлада
Какого-то старинного гнезда.
В моих стихах – грядущие тревоги.
В твоих рисунках – горестный надрыв.
Мой дом стоял у жизни на дороге,
И твой смотрел безжизненно в обрыв.
...Но птицы вылетают из гнездовья
В далекий распахнувшийся простор
И никогда, застигнутые новью,
В гнездо не возвращаются с тех пор.
Они летят под бурю, под ветром
И светятся, как искорки во мгле.
Вся даль земли с ее огнем и светом
Отныне новый дом их на земле.

Из книги
"На птичьих кругах"

***

Бабочка в комнату тихо впорхнула
И заметалась в окне.
Ты на плече моем чутко вздохнула,
Что-то увидев во сне.

Странною мне показалась квартира.
Кто мы, откуда, куда?
Может, и мы из какого-то мира
Вдруг залетели сюда?

Спи, моя милая, я не нарушу
Сон золотой стороны.
Разве удержат летящую душу
Эти четыре стены?

СКАЗКА

Стали сказки родные глуше.
С Василисой живет Кащей.
Я одну расскажу, послушай,
Было это в Стране вещей.

Как-то вышел Иван из леса,
Бородатый и весь в меду.
– Бес твой дома?
– Да нету беса.
– Василиса, отдай стрелу.

Василиса как скорчит рожу,
Что Иван от тоски засох.
– Ты сначала верни мне кожу,
Ту, которую в печке сжег.

Посмотри на себя, зеленый,
Вижу, нищего стал нищей.
Из твоей золотой каленой
Зубы вставил себе Кащей.

У Ивана вся злость прокисла.
И пошел он куда-то вбок.
А прекрасная Василиса
Дождик сматывала в клубок.

***

Валерию Ганичеву

В пустом саду и весело и странно,
Сыреет воздух чутко-голубой.
И тени слабые волнуют постоянно
Еще не устоявшийся покой.

Деревья, обворованные ветром,
Вытягиваются в синеву,
За каплей каплю тающего света
Роняют на потухшую листву.

И хочется пустить по листьям грабли.
В последнем блеске солнца и тепла
Собрать в ладонь тускнеющие капли,
Как крошки с деревянного стола.

***

Люблю красу твою укромную,
Из вербной выпушки платок.
Вчера я видел – в чашу темную
Ты пронесла свой огонек.

Деревья горние и дольные
Перед тобой склонялись ниц.
Ведь это ты на хоры вольные
Из клеток выпустила птиц.

За чистой дымкою березовой
Я подстерег тебя, хитрец, –
Ты примеряла нежно-розовый
Воздушный свой полувенец.

Я думал, ты и не заметила,
Что по следам твоим иду.
Но ты взглянула, как приветила,
И улыбнулась на ходу.

Теперь мне радостное грезится,
Я на одном себя ловлю,
Что золотую прицветь месяца,
Как никогда, еще люблю.

БЕЛЫЙ САД

Зовущий, долгий взгляд,
Полуоткрытый рот.
Ты вся, как белый сад,
Летающий на восход!

Цветущие горды,
А мне простор иной.
Я знаю, две звезды
Не могут стать одной.

Тот некто иль никто
Смотрел на нас из тьмы,
Такое чувство, что
Другу другу мстили мы.

Ты мне за красоту,
Сдающуюся в плен.
А я за суету
Всех будущих измен.

Пройдут года без лиц,
И на исходе лет
Я вспомню двух зарниц
Непадающий свет.

И, погружаясь в сон
Из невозвратных дней,
Услышу нежный стон
Всей юности твоей.

Увижу долгий взгляд,
Полуоткрытый рот,

Тебя, как белый сад,
Летящей на восход!

Прощай, прекрасный свет!
Я без тебя устал.
Последний мой привет
Летит к твоим устам...

ПИСЬМО

Застигнутый вьюгой, я в дверь постучал,
Открыл, не дождавшись ответа.
Вошел и увидел – горела свеча
Пред образом тусклого света.

Молилась старуха. Замшелая тьма
Струила лампадную копоть.
Я слушал, как тайну чужого письма,
Горячий молитвенный шепот.

– Еще опишу тебе, Гриша, о том,
Чтоб ты воевал без заботы,
Сказали, что скоро подправят мне дом.
Соседка купила мне боты.

Я был потрясен этой речью простой,
Один из ночных постояльцев.
А тот, кто привел меня к ней на постой, –
Крутнул выразительно пальцем.

Сдавило мне горло и сердце само
За эту согбенную спину.
Седая старуха молитву-письмо
Слагала погибшему сыну.

Все пишет и пишет ему на войну
Печальница божьего света.
Но нету ответа в ее сторону,
И нет ниоткуда привета.

И некому старость утешить ее.
Есть адрес, но нет письмоносца.

На темной иконе светилось копьё
Георгия Победоносца!

Свечу задувало. Темнело в углу.
За окнами выло и выло.
Я вышел, я выбежал в снежную мглу,
И вьюга меня подхватила.

Россия, так кто же тогда не забыт,
Так что же тогда не забыто,
Коль русская мать на коленях стоит
Среди разоренного быта?

СИРЕНЬ

Старый сад – как душистая тайна,
Стоит только взглянуть на сирень...
Кружит голову мне не случайно
От сирени воздушная тень.

Стоит только прижаться к сирени –
Разрастается сердце, как сад.
Я-то знаю, что люди и тени
На одном языке говорят.

Здесь у этой сирени когда-то
Я стоял, как стоит тишина.
Тень моя из вечернего сада
До ее доставала окна.

Не одну здесь оттиснул подковку,
Чтобы видеть сквозь радостный страх,
Как она наклоняла головку,
Как держала заколки в губах.

Это правда, что люди и тени
На одном языке говорят.
Лишь на шаг отступлю от сирени –
Осыпается сердце, как сад.

***

А та береза в гуще сада?
Ломлюсь, распугивая птиц,
В глазах мельканье от ограды,
Как от велосипедных спиц.

В меже, усеянной цветами,
Журчит полуденный сверчок,
И вдруг сверкнет в садовом хламе
Цветной веселый башмачок.

И на песке в лиловом дыме,
Когда уйду я за пруды,
Покажутся совсем чужими
Мои недавние следы.

О, эти вещице приметы!
Сухое солнце черепиц,
Окно, повернутое к свету,
В саду просвечивает птиц.

А сад багряный на морозе,
А солнце бьет в просветы туч.
И, попадая в яркий луч,
Щеглы сверкают на березе.

Посмотришь в облачные кручи –
И отзовется свет в душе.
И ничего не будет лучше
Того, что создано уже.

В ЛЕСУ КОРАБЕЛЬНОМ

Юрию Панкратову

Как в вечность, вошел я в тот лес корабельный,
Пронизанный солнцем с одной стороны.
И властно возник он, мотив колыбельный,
Идущий откуда-то из глубины.

Деревья качались и медленно пели,
Одно от другого все дальше светясь.
Так вот оно – чувство родной колыбели,
Людей и деревьев заветная связь.

Стояла, как сон, вековая прохлада,
Нетленная зелень сверкала из тьмы.
На миг показалось – мы вышли когда-то
Из этих деревьев и стали людьми.

НОЧНАЯ ВОДА

Чем больше глядишь, тем она
Все больше твой взгляд забирает.
И кажется, что глубина
Тебя от земли отрывает.

Ленивая, хищная стынь
Кольшется гибко и ртутно.
Но взгляд упадет на полынь
И станет не так бесприютно.

И лучше смотреть на следы
И верить, что кто-то вернется...
Иначе из этой воды
Твой голос тебе отзовется.

И ты, не успев умереть,
Поднимешь глаза к небосводу...
Не надо на воду смотреть,
А то оживишь эту воду.

КРЕСТИК

*Памяти поэта и друга
Анатолия Дрожжина*

Не говорите – был и нету,
Что жизнь была к нему строга.
Его душа ушла по свету
Искать иные берега.

Я возле праха дорогого
Шепчу, как клятву на гробах,
Что мы найдем один другого
На тех цветущих берегах.

Я подойду к нему, как вестник...
И он, забывший прошлый путь,
На мне узнает светлый крестик,
Который сам надел на грудь.

СО СТОРОНЫ

Николаю Силаеву

Мне хорошо – мне одиноко!
Весь мир вокруг такой живой.
И все несносное далёко,
И все любимое со мной.

Поет пчела над медогонкой,
Звенит соседская пила.
И пахнет гарью тонкой-тонкой
Дымарь на краешке стола.

Над крышей флюгер строит рожки,
Блестит чердачное стекло.
Крыльцо, калитка, в сад дорожки,
Скамейка узкая, дупло.

И вдруг опомнюсь, неприкаян,
От подступающей вины,
Что я здесь гость, а не хозяин,
Что это взгляд со стороны.

***

Ограды, ограды, ограды,
Вы много наводите дум.
Живому одна здесь отрада –
Деревьев безоблачный шум.

Увижу в листве золотушной,
Над свежей оградкой одной
На ниточке шарик воздушный,
Колблемый влагой земной.

Увижу, как нить перетрется
О планку, непрочная нить, –
И что-то в душе оборвется
И жадно захочется жить.

Скорее из этого круга
В зеленые дни напролет,
Где люди толкают друг друга,
Где тень моя рядом идет.

ПОХОРОНЫ В ГРОЗУ

Опустили красный гроб,
Полетели комья градом.
Далеко пошел озноб
По деревьям и оградам.

И оттуда, где гроза,
Свет обрушился безмолвный.
Исказило небеса
Быстрой судорогой молний.

Будто кто-то одинок
Поломал над бездной крылья
И смешал в один поток
Прах земной с небесной пылью.

ВЗДОХ

Через кладбище, черт меня дернул,
Шел в тот самый полуночный час.
Шел и чувствовал чей-то упорный,
На себе чей-то пристальный глаз.

Что-то зыбкое, гибкое что-то
Серебрилось, змеилось травой...
А когда отворил я ворота,
Кто-то тяжело вздохнул за спиной.

СТАРЫЕ МХИ

Там, где немислим покров травянистый,
Там, где болотные корчи глухи,
Как они зелены, влажны, душисты –
Старые, топкие мхи.

Старые мхи только с виду красивы.
Есть в красоте их дремучий обман.
В топь заведут тебя, или в трясиину,
Или в болотный туман.

Ты не тяни к ним доверчиво руки.
Часто я видел, как сквозь этот мох
Вдруг прорастала головка гадюки,
Будто бы черный цветок.

ДОМ ИПАТЬЕВА

Ты гори, гори на заре, свеча.
Ты еще с краев не оплавлена.
Убиенного свет-царевича
Ты еще, душа, не оплакала.

Белы косточки где искать его?
И нательного не найти креста.
Ты, Россия, вся дом Ипатьева,
Где бесчинствует дух антихриста.

И стоит густой над землею стон –
Это русский люд на Руси теснят.
Колокольный звон – похоронный звон,
Это Русь мою до сих пор казнят.

НАД ОМУТОМ

Геннадью Попову

Если жизнь свою утрою
И останусь молодым,
Я, конечно, дом построю.
Дом над омутом глухим.

Сгорожу дощатый мостик
Там, где вьются лозняки,
Чтоб ко мне ходили в гости
Птицы всякие, зверьки.

И на малую потребу,
Чтоб зимой не мучал глад,
Я посею лук и репу,
И картошке буду рад.

Представляю: свет в окошке,
Мягкий шорох мотылька.
Хорошо плести лукошки
Из парного лозняка.

Возле ног лежит собака,
Кот читает мне стихи...
Размечтался я, однако,
Здесь, над омутом глухим.

***

Что нового скажешь о поздней поре увяданья,
Об этой вчера еще теплой вечерней заре?
Подумаешь только, как кратки земные свиданья, –
Вчера еще лес золотился, а ныне стоит в серебре.

А завтра проснешься в какой-то щемящей тревоге,
Как будто бы что-то навеки из сердца ушло...
Уже не увидишь, как облачко пыли летит по дороге,
Уже не услышишь, как бабочка бархатно бьется в стекло.

Ты будешь ловить с замиранием прежние звуки,
Но их уже нет на закованной белой земле...
Свидание с жизнью – лишь обморок вечной разлуки.
И я обмираю, как искорка в теплой золе...

И я обмираю, мне снятся зеленые боры,
Мне грезится жизнь в колебаньях огня или свеч.
И кто-то ведет надо мной обо мне разговоры –
Я вижу, я слышу, но мне непонятна их речь...

О ТИШИНЕ

Человеку тягостна неволя.
Человек не создан для войны.
Гаснет лес, и отдыхает поле.
Столько в мире доброй тишины.

Тишина гнезда и краснотала,
Тишина покосная луны.
Человеку бы всего хватало,
Если бы хватало тишины.

ВСТРЕЧА

Меня вчера собака пожалела,
Зализывая ранку на руке,
И что-то очень важное хотела
Сказать мне на собачьем языке.

Обычная, бездомная дворняга,
В глазах ни искры жадного огня.
Кусочек хлеба съела, бедолага,
Достоинство природное храня.

Ни хитрости, ни рабского вилянья,
Как у других, изнеженных в тепле.
Мне стало стыдно вдруг за подаянье.
Мы равны с нею матери-земле.

Прозрение иль светлая минута,
Иль памяти зеркальная слеза?
Ах, нищенка, бездомница, откуда
Твои такие чистые глаза?

Я помню их, почти что человечьи,
Я где-то их не раз уже встречал.
С природою таинственные встречи
Я с детства за собою замечал.

Я чувствую, все чаще год от года,
Тревожась о деяниях живых,
К нам шлет послов творящая природа
В земных и вечных образах своих.

За тем, как мы величием болеем, —
Природа смотрит в миллионы глаз.
Нам кажется, что мы ее жалеем,
А может быть, она жалеет нас!

ПОЖАР

Дом поднимался выше, выше –
За этажом этаж... и вдруг
Исчез – ни окон и ни крыши,
Лишь запах выгори вокруг.

Вот так и ты, моя Россия,
Страдая, строишься века...
Но вмиг твой труд слепая сила
Уносит пеплом в облака.

Скажи, какое надо сердце
Народу русскому иметь,
Чтоб вечным взглядом погорельца
На звезды Божии смотреть?

***

Не хватало для глаз высоты
В размышленьях о вечном и юном,
Слишком низко склонялись цветы,
Напоенные холодом лунным.

Разгорался осенний закат,
Птицы в небе летели без крика.
В золотые просветы оград
Заползала, змеясь, повилика.

И покуда вершины берез
На траве свои тени качали,
Мне казалось, – ни тлена, ни слез
Не бывает у вечной печали.

ОЗИМЫЙ КЛИН

Самолет, в небесах ревущий,
Не встревожил пустых долин.
Видно ль сверху, что вон за пущей
Не распахан озимый клин?

Как подбитая камнем птица,
Распластался в сухой стерне...
Сиротеет моя земляца.
На какой мы сейчас войне?

Нам со старою не расстаться...
Вон как вылуцен край родной,
Что пора уже пересчитаться –
Кто здесь мертвый, а кто живой?

Истоцилось родное племя.
И всё глуше в родном краю.
Ветер сорное гонит семя
По невспаханному жнивью.

ПЛАЧ МОРЕЙ

Суров, тревожен красный лес,
Когда на ветры верховые
Настраиваются, как оркестр,
Его деревья вековые.

Когда с померкнувших небес
Ветр налетит глухой кручиной,
Весь лес представится окрест
Морскою гибельной пучиной.

В нем скрипы мачт и якорей,
И каждый звук оттуда грозен.
Откуда этот плач морей
В вершинах корабельных сосен?

Чем шире ветер, тем сильнее
Стенанья хор разноголосый
Всех затонувших кораблей,
Всех не вернувшихся матросов.

***

Стало гибким качание веток,
Выше даль над краями земли.
И на запах земли разогретой
Влажной ночью летят журавли.

Ты под этой молитвой летящей,
Как в поющем соборе, постой.
Ветр с юга уже шелестящей
На заре обернется листвою.

Сколько раз был и слышан и прожит
Прибывающий шелест весны.
Но по-прежнему душу тревожит
Талый круг восходящей луны.

***

Белым на земле бело,
Заснежен мой сад и гол.
В нем лето мое прошло.
И мой листопад процвел.

От снега оглохший сад
Не слышит моих шагов,
Где тени берез лежат
Поверх голубых снегов.

Я знаю, что счастье есть
За гранью земного сна...
А снег – это только весть
О том, что грядет Весна!

ПАМЯТИ ПОЭТА

Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто.

Николай Рубцов

На краю деревенского лета,
Где роса догорает в тени,
Успокоилось сердце поэта –
Может, лучшего в наши дни.

Как искал он с природой союза
В шумных днях бытия своего,
Знает только капризная муза,
Что не раз осеняла его.

В каждой песне своей умирая,
Всё трудней оживал он в конце...
Всё темнела печаль грозовая
На суровом и чистом лице.

И терзаясь в бессонные ночи,
Среди звезд узнавая свою,
Всё печальней он пел и короче,
Словно видел себя на краю...

На краю деревенского лета,
Где над полем летают стрижи,
Где звенит, будто рядом он где-то,
Голубой колокольчик во ржи.

ВЕНОК

Пошли, Господь, и мне отраду,
Когда земной истает срок,
Войти в небесную ограду
Сложить у ног твоих венок.

В печалях мира скоротечных
Я собирал тебе цветы...
Пути земных с Путиами Вечных
Соединяешь только Ты.

Но если бездной или адом
Грехи разверзнутся мои, –
Позволь мне кинуть за ограду
Взгляд, преисполненный любви.

СХВАТКА

Человек износил свое тело,
С черной думою лег умирать...
В полночь птица к нему прилетела,
Стала хлеб его белый клевать.
Он ей плюнул в бездонные очи,
Но она и плевков испила.
Эта птица три дня и три ночи
Была клювом о крышку стола.
Словно кто-то бессчетные гвозди
Методично вколачивал в гроб.
Он смотрел, содрогаясь от злости,
На ее распухающий зоб.
Он еще не почувствовал муки
Оглянуться на прожитый путь.
Не сложил ослабевшие руки
От последней молитвы на грудь.
Но когда он в великой печали
Имя Господа вслух произнес, –
На земле петухи закричали
И растаяли тени берез.
И рассыпались обручи злобы,
Что его оковали в борьбе,
Словно крышка незримого гроба
Отворилась сама по себе.
И молитвой застигнутый сладкой,
Думал он, освещаясь во мгле,
Что со смертью мгновенная схватка
Длится дольше, чем жизнь на земле.

ОДИНОЧЕСТВО

Боже мой, как беден мир
Человеческого круга.
Мы выходим из квартир,
Натыкаясь друг на друга.

Сатанинская игра,
Где одни для всех законы, –
Эти выгоны с утра
И вечерние загоны.

Гуртовое бытие –
Не отстать, не помолиться...
Одиночество мое,
Я хочу остановиться.

Посидеть у тростника,
В тишине расслышать Бога...
Одинокая река,
Мне с тобой не одиноко.

НА ЧЬЕМ-ТО ПОРОГЕ

Посижу на обугленном чьем-то пороге
И представлю последние дни:
Жизнь, как птица, снялась с этой темной дороги,
Улетела в большие огни.

Только старый скворец, обучая младенцев
Подражанию на все голоса,
Вдруг да выразит звуком, как жалобу сердца,
Скрип тяжелого колеса.

***

Что станется с лесом и небом,
Со всем, что тревожно люблю?
Изюмом, орешками, хлебом
Всех белок не накормлю.

Что станется с милым и близким?
(Как хочется жить без потерь!)
И будет ли по лесу рыскать
Красивый, пружинистый зверь?

На срезе тревожного века,
Где скорость острее ножа,
Все ближе к душе человека
Пугливой природы душа.

ДУДОЧКА

Евг. Дербенко

Там, где полоскою алою
Жметя заря к небесам,
Вырежу дудочку талую,
Звуки придумаю сам.

Ты заиграй, безутайная,
Ты передай мой привет
Всем, чья душа не оттаяла,
Всем, кто надеждой согрет.

Ты заиграй с переливами –
Звонче капельных синиц.
Где ты, подружка счастливая
С выпушкой вербных ресниц?

Если услышишь, то выбеги –
Кто там поет – посмотреть.
Я постараюсь на выдохе
Светлую песню допеть.

Словно ничейное перышко
Ветер подхватит напев.
– Здравствуй, весеннее солнышко,
Я тебе песню пропел!

***

Было холодно мне от высокого шума
В том, почти отчужденном от солнца, лесу,
Будто чья-то глухая бессонная дума
Заставляла сверкать и цветы, и росу.
Заставляла шуметь корабельные сосны
И по мгlistому небу лететь облака.
Ворон скрипнул с вершины зловеще и грозно,
Будто что-то сказал на века.
И над всем этим миром один напряженный
Ворон с пристальным глазом, бросающим в дрожь.
Будто время замшело, как мельничный жернов,
Постоишь, и покажется – вечно живешь!
Ах, как сердце мое обо мне заболело.
И пошел я ломиться домой наугад.
Только странное чувство сознанием владело,
Почему-то тянуло вернуться назад.

***

Мы думаем, что жизнь мудрее нас,
И так живем, как будто напоказ.
А жизнь не так мудрее нас, как проще,
Живет снегами, солнцем и дождем.
Она проста, как этот воздух в роще:
Мы дышим им, не думая о нем.

ГРАНИЦА

Облака плывут, как души,
Кем опустятся с небес?
Хорошо стоять и слушать
Ветер, птиц и снова лес...
Можно лечь в траву и лежа
Думать, что ты есть и кто.
Никого здесь не тревожа,
Не вонзаясь ни во что.
Кто, чего, откуда тащит,
Отрешаясь от всего...
Муравей глаза таращит,
Ты таращишь на него.
Божий мир еще творится...
Этот воздух голубой
Как последняя граница
Между Богом и тобой.

***

Эта жизнь и нежна и груба,
Есть в ней счастье и дикая воля.
Рожь цветет, и кричат ястреба.
На краю потемневшего поля
Разведу одинокий костер.
И почувствую вечность губами,
И откуда он, этот восторг
Светом ночи, росой, ястребами?

***

После метелей далёко
Видится в белых полях.
Чисто, морозно, высоко
Небо стоит на холмах.
И непонятно откуда,
Словно весна впереди,
Предощущением чуда
Светлое чувство в груди.
Ловишь ликующим взглядом
Заиндепевшую высь,
Там, над заснеженным садом,
Иней и небо сошлись.
Радостно чувствовать, слышать,
Думать, дышать высотой.
Только бы выстоять, выжить
С этой родной красотой.

***

Какой-то странный звук поднял меня с постели,
Шептала ночь свои бессвязные слова.
И травы, и цветы таинственно шумели,
В раскрытое окно дышали дерева.
Я ощутил себя бесплотно-легкой тенью,
Причастной ко всему, что перешло в напев.
Казалось, я цвету за окнами сиренью,
Казалось, я шумлю листвою всех деревьев.
Казалось, что душа совсем меня забыла,
А стала только тем, чем до меня была:
Корнями, тишиной, звездами моросила,
Туманом луговым стелилась и текла.
Но смолкнул странный звук (подобие свирели),
И стала ночь как ночь, какой всегда была.
А в комнате стоял густой настой сирени,
Как запах жизни той, которая прошла.

ВЕСНА

У березы оттаяло горло. Весна!
Тень от старой сосны на вершок подлиннела.
У воткнутого в землю обломка весла
За ночь лопасть позеленела.

О, Весна! Кем мгновенья твои сочтены?
День один изменяет твой отсвет:
Нынче – влажно-зеленая прицветь сосны,
Завтра – вербы горчичная отцветь.

Ночью воздух из листьев воздвигнет холмы
И пружинисто вздрогнут над берегом лозы,
Лишь останется белым, как эхо зимы,
Неоттаявший ствол у березы.

***

Владимиру Соколову

Не нахожу покоя днями,
Когда валится шумный лист.
Как хорошо над зелеными
Ломается щеглиный свист.
Легко, как музыки завеса,
Везде, где свет отягощен –
Над голым шумом сада, леса,
Висит прозрачно птичий звон.
Стоишь и слушаешь, о Боже,
Себя, свой голос узнаешь.
Как это пение похоже
На все, что завтра ты споешь.
Споешь ли? Мечется душа.
Предвестье счастья или муки:
То мимолетный стон чижа,
То снегиря грудные звуки,
И вдруг поймешь само собой –
Ты этим пением закован.
Твоя в нем песня и покой –
Теперь иди ищи покоя,
И голову склоняя ниц,
Одно лишь скажешь в оправданье:
Есть в пении осенних птиц
Щемящее очарованье.

*Из последних
стихотворений*

ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Плыл корабль по песку,
Плыл корабль по песку...
И все глубже в песок зарывался.
Не внимала пустыня глухому гудку,
И все глуше гудок раздавался.

Уходил, уходил, уходил он за кадр,
Погружался со всем снаряженьем.
И в бинокли следил удивленный закат
За вселенским его погруженьем.

Вот и мачта ушла... так проходят века...
Лишь шуршали воронок откосы,
Словно где-то в текучих глубинах песка
Продолжали вращаться колеса.

Я по осыпи шел, без надежды свернуть.
Без надежды, но с верой вчерашней.
Затонувший корабль продолжает свой путь,
Одинокий, великий и страшный!..

***

Во мне любовь и озаренье
Живут как некие созданья.
И ни при чем здесь вдохновенье
И утонченное страданье.
Они живут, не докучают.
Я тоже им не докучаю.
Они меня не замечают,
Я тоже их не замечаяю.
Они меня в свой круг не вводят,
Живут своим волшебным кругом.
И как уходят, как приходят –
Ни сном не ведаю, ни духом.
И потому, что их не вижу, –
Я ничего для них не значу.
Когда я слышу – значит, слышу.
Когда я плачу – значит, плачу.
Когда же душу приневолишь –
Поймешь нечаянность велений,
Что ты вместилище всего лишь
Каких-то чудных проявлений.
Они поют, лепечут, шепчут,
Но мой простор от них не сужен.
Так раковина носит жемчуг,
Который ей совсем не нужен.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В час, когда в воздухе нету опоры
Темному эху земли,
Чу! Узнаю горловые повторы –
Это летят журавли.

Гласы вострубные в горле лелея,
Близятся в медленной мгле.
С каждым мгновеньем светлей и светлее
В небе, в душе, на земле.

Не отдаляясь от лунного круга,
С талой летят стороны,
Там, где, как осыпь небесного пуха,
Дымная зелень луны.

Страждущим звукам над родиной – внемлю,
А над чужбиной – молюсь.
Да возвратится на русскую землю
Вся журавлиная Русь.

Да обернется глухая разлука
Тягой к родным небесам.
И в замиранье последнего звука,
Плача, участвую сам.

***

Ни щеглов не слышу, ни синиц.
Боже, от какого окаянства
Налетело столько темных птиц
В золотое русское пространство?

Вестники ль они грядущих драм?
Что пророчат сумрачно и резко?
Облепили стаи божий храм,
Золотые гребни перелесков.

Кажется, лазурь сошла на нет
Под осенней русской высотой.
Кажется, что злато-синий свет
Навсегда разбавлен чернотою.

Жирно поднимаются с холма,
Очерняя белые березы.
Поскорее б русская зима!
Поскорее б русские морозы...

***

Валерию Рогову

Какое счастье – совпадать
С простором синим.
Еще дается благодать –
Любить Россию.

Лиловый вереск по холмам,
Речную роздымь,
Где отдаленный божий храм
Дрожит, как воздух.

Неопалимый божий куст,
Купель, купина.
И, как молитва детских уст,
Светла долина.

Нет, русский вечер не погас,
Не взят на пику.
О, сколько здесь молилось глаз
Святому лику.

О, Господи, молю и впредь
Хоть сквозь пустыню,
Но дай на Родину смотреть,
Как на святыню!

ПОСЛАНИЕ

Александру Мехедову

На рокочущий лад
Речь приветную переиначу,
Выпускаю слова,
Пусть, как соколы,
Чертят круги.
Здравствуй, свет Александр,
Бью челом тебе
В древний Карачев,
Да рассыпятся прахом
Державного града враги!
Представляю, как ты
Озираешь и доли и яры,
Мысли гонят тревогу,
Как гончие лань.
Но одна тяжелит,
Что раздорны бояре
И сжимает камчу
Непривычная к нежности
Длань.
Исхитрились мужи,
Словно жены,
В искусстве злословья,
Истончились улыбки
Когда-то вернейших мужей.
Русь за это платила
Великою кровью!
Надо снова удвоить,
Утроить
В проезжих местах
Сторожей.

Слишком много на Русь
Навозили товару,
Стали льстивей,
Чем прежде,
Иноземцы-купцы.
Так и ждешь –
Не случится ли где-то
Большому пожару...
Надо в камень одеть
Деревянный орешек –
Клинцы.
Пусть же варится вдосталь
В селениях брага
И брашно,
Не клюет воронье
Из очей твоих воинов
Синь.
Да застанет оратая
Мирное солнце
Над пашней,
А тебя на холме
На дозорном.
Аминь!

ПУТЬ

Мчался он по разбуженным водам
И кричал ему с берега брат:
– Ты закат перепутал с восходом,
Этот путь на закат, на закат...

Никого удалец не послушал,
Кинул ветер себе поперек...
И загнал свою верную душу
Бесконечностью русских дорог.

Занеслась голова удалая!
Видит Бог, он один виноват.
На обочинах русского края,
Как восход, полыхает закат.

ЗМЕЯ

Она в траве осенней грела
Своё бескостное кольцо.
И кажется, что не смотрела,
Что не смотрела мне в лицо.
Дремотно спущенное веко
Не выдало и легкий вздрог.
И я по праву человека
Её разглядывал, как мог.
В сгущающемся напряженье
Я знал: меня не усыпить.
Шло молчаливое сраженье,
И кто-то должен уступить.
Я уступил... Сухая былка
Под шагом треснула как раз...
И я почувствовал затылком,
Как у змеи отверзся глаз...
Так бездна всеми голосами
Земной озвучивает прах,
Когда смыкается глазами
Со страхом первородный страх.

СТАРУХА

Катит жизнь по кругу...
В круге много спиц.
Нищая старуха
Кормит Божьих птиц.

Жизнь проходит быстро...
Поезда свистят...
Золотые листья
Под ноги летят.

Вот и ей в ладошку
Золотой упал...
– Клюйте, птицы, крошки,
Всё, что Бог послал.

ВЕНЕЦ

Вознесенный салют над Москвой,
Как венец золотого парада,
Снова сердце наполнит тоской,
Но стыдиться тоски мне не надо.
Разве сердце мое ни при чем,
Если стали товаром медали
Тех, кто нашу победу плечом,
Как тяжелую пушку, толкали?
Но продать нашу славу нельзя!
За святое наследие внуков
Встанут павшие роты грозя,
Встанет сумрачно Жуков!
Встанет дыбом родной чернозем!
Да минуют Отечество грозы.
В поминальном стакане моем
Возгорятся солдатские слезы.
Так звени же, медаль о медаль,
Все родное душе отзовется.
Пусть же русская наша печаль,
Как в колодец ведро, оборвется.
Нет, Россию не взять на излом!
Это знали отцы наши, деды:
Отраженный салют над Орлом
Обожжет меня светом Победы.

***

От самого себя отстану,
От этой жизни переметной.
Ни к чьей не прибиваюсь стае,
Поскольку я не перелетный.

Не лезу под чужую крышу,
На чем стою – того и стою.
Когда незримое предвижу,
Я слышу крылья за спиною.

Пока в России есть знаменья –
Я знаю, свет идет откуда!
Россия – Божье озаренье,
А не бесовская причуда.

Она, спеленатая в муки,
Принадлежит тому, кто слышит.
Она очнётся в трубном звуке,
И Бог уже над нею дышит...

***

Чистый лист бумаги –
Белизна полей.
Хватит ли отваги
Скомкать прозу дней?

Знаю, хватит воли
Чистый лист не смять.
В зимнем русском поле
Молча постоять.

Помолиться Богу
В наготе полей.
Прикоснуться к стогу
Скрытых зеленей...

Стает снег в овраги,
Вскроет зеленыя...
Чистый лист бумаги
Вспыхнет без огня.

***

Ты слышала? – ночью кричали пролетные птицы.
Я слышал их крики... Иль всё это было во сне?
Ты слышала? – ночью скрипели в доме половицы...
Входил, выходил кто? Иль всё это грезилось мне?

Ты знаешь, мне грустно, что я отлучен от природы...
Я где-то не с нею, я где-то поодаль стою.
Не я же, не я на краю золотой непогоды
Кричу над водою и белыми крыльями бью.

Ты знаешь, так тянет на берег дремотной протоки,
Где листьями лилий укрылась вода, не дыша,
Где если и звук над водой, то такой одинокий,
Как если бы плачет и мечется чья-то душа.

Ты слышала? – ночью скрипели в доме половицы.
Входил, выходил кто из дома иль в дом?
Не я ли там был, где кричали пролетные птицы?
Я был там, я был там и крыльями бил над водой...

***

Кто этот мир? И что мы сами?
Перетекают жизнь и смерть...
О, если б Божьими глазами
Хоть раз на землю посмотреть.

Вот почему светло и слепо
Когда зияют небеса –
Я запрокидываю в небо
Осиротевшие глаза.

Не удержать звезды в ресницах...
Но сколько лет, но сколько лет
Душа сама летит, как птица,
На Божий свет! На Божий свет!

Когда-нибудь родное небо
Меня приблизит без следа...
Не говорите был иль не был?
Я там, я там, где был всегда...

***

Могилы замшели, как лодки,
Не пристань – пустыня утрат.
Деревья склоняются кротко,
И с братом не ссорится брат.

Но странно, в любую погоду
(Так птицы сбиваются в круг)
Все больше здесь стало народу
Из новозаветных старух.

Как будто с холерного пира
Бредут, выбиваясь из сил.
Как будто они не от мира,
А жители этих могил.

Неясному зову послушны,
Часами стоят у оград...
Нет места им в жизни бездушной,
И нет им дороги назад...

***

Если можешь глазами вздохнуть,
Значит, видишь святые пути.
Дальше звезд человеческий путь,
По которому надо пройти.

Сколько раз разбивался я в прах,
Сколько раз выбивался из сил...
Но я знал, кто в незримых мирах
Душу мне на земле осветил.

И когда завершится мой срок
И придется держать мне ответ,
Я сложу на Великий порог
Сбереженный во странствиях свет.

***

Я живу на Родине, как в тире.
Если быть точней, – на полигоне.
В русском истребляющемся мире
Титульная нация в загоне.

Я обложен с Юга и Востока,
А в славянском мире так туманно...
Запада недремлющее око
В наши окна зырит постоянно.

По какому злему наущенью
Сердце не проглядывает солнца?
Стала моя Родина мишенью
Даже для вчерашнего чухонца.

Каждому отметитья охота
Словно едкой окисью на меди.
Вот она, вселенская охота
На большого русского медведя!

Отовсюду слышатся угрозы.
Выживают из глубин и высей.
Стыдно каменеть великороссам
Перед мировую закулисой!

Разве непонятно – в этом мире
Мы одни, как перст, на белом свете.
Мы живем на Родине, как в тире, –
У беды грядущей на примете.

Русскому Отечество – свобода!
Русские – мы многое сумели...

Если б у властей и у народа
Были совпадающими цели...

Что же, православные, мужайтесь!
С нами Бог и сам Георгий-витель.
Русские всех стран, соединяйтесь!
Русские всех стран, объединитесь!

ХОЛОД

Так внезапно окончилось лето.
Стало грустно в осеннем краю.
В белых рощах, кипящих от света,
Лунный холод земли узнаю.

И в сухих камышах над водою
Кто-то плачет иль, плача, поёт...
Этим звукам с неясной бедою
Вторят долгие крики с болот.

Эти крики и странные плачи,
Этот свет, что клубится во мгле,
Не несут мне, как прежде, удачи
На когда-то счастливой земле.

И над всей этой ночью, глядящей
Отчужденностью меркнущих звезд,
Все тревожней к луне восходящей –
Выкипающий холод берёз.

И от звуков, что душу мне ранят,
И от света, что веет огнем,
Нелегко удержаться на грани
Между небом и небытием.

БОЖИИ СТАРЦЫ

Из келий, обителей, дольних пустынь,
Чтоб с Богом душой не расстаться,
Выносятся свет православных святынь –
Несут его Божии старцы.

И всё замирает вблизи и вдали,
Восходит молитва народа...
О, тайная радость крещеной Руси –
Пришествие крестного хода.

Где нет гордецов и униженных нет,
Где нету беды иноверцу...
И Божии старцы проходят, как свет,
Доступные каждому сердцу.

Гноили заступников Русской земли...
(А в храмах бесились и выли),
И в белую замять босыми вели
И в тайных местах хоронили...

Рассыпался прах обезбоженных снов.
А церковь стоит сокровенно.
И мощи сокрытые Божьих сынов
В земле прорастают нетленно.

И Русская правда на вере стоит,
На вере и светлом моленье.
И каждый святой на Руси – это щит
И Божие благословенье.

Уже исполняется Божий Завет:
Архангел трубит за плечами,
И Божии старцы проходят сквозь свет,
Сияя святыми очами!

***

Поэты приходят ко мне во сне,
Их поступь лелеет слух.
Так одноверцы в чужой стране
Сбиваются в тесный круг.

И каждый от ангела неотличим,
Их речь никому в укор.
О том, о чем на земле молчим,
Обыденный их разговор.

Пушкин смеется... Есенин весь
Как одуванчика пух.
Тютчев здесь, а как будто не здесь,
Блок превратился в слух.

А за окном пролетают миры,
Небо росит, как ветвь.
Хватит ли Фету цветущей мглы
Вечное запечатлеть?

Бунин упорно глядит в огонь,
Странник нездешних стран.
Бабочка села к нему в ладонь,
Узкую, как тюльпан.

Сон продолжается и наяву...
Пахнет жара травой.
Разных цветов на лугу нарву
И принесу домой.

***

Люблю! Люблю! Целую руки...
Вся жизнь как с чистого листа.
Я предпочту глухой разлуке
Полёт с чугунного моста.

Пусть длится, длится всё, что было
Распахнутым, как небеса,
Лишь только б ты не отводила
От глаз моих свои глаза.

И целый мир к тебе ревнуя,
И целый мир в тебе любя,
На расстоянье поцелуя
Хочу быть около тебя.

Так что же сердце не разбилось?
Так что же я не поседел,
Когда уже разлука длилась,
Когда я вслед тебе глядел?

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Фёдору Васильевичу Дронникову

Тридцать лет свои награды
Чистит, словно на парад,
Три войны прошедший кряду
Старый гвардии солдат.
Он сидит, как гвоздь застолья,
В окруженье сыновей,
Пьет за тех, кому не больно,
И за тех, кому больней.
Ах, как смерть его любила,
Три войны в обнимку шла,
Но ни разу не убила,
Только ногу отняла...
Если б даль того разрыва
Выветрить из сердца вон!
Что задумался, служивый,
Трижды победитель войн?
Ничего не отвечает,
Даже бровью не ведет,
Только головой качает –
Значит, скоро запоет.
Запоет он, как заплачет,
Всё про полюшко, про то...
Будто в песне что-то спрячет,
Будто жизнь переиначит,
Будто похоронит что.

РОВЕСНИКАМ

Нам надо помнить,
Для какой отваги
Мужчинам плечи крепкие даны.
Уже малы отцовские рубахи
Парням,
Рожденным в грохоте войны.
Рожали нас
Орловские и курские
Седые матери.
...Проклятая война.
Рожали нас под окрики нерусские,
Но русские давали имена.
И сколько смерть до времени скосила,
Ты утешала семьи, как могла,
И плакала,
Большая мать-Россия,
По каждому,
Кого не сберегла.
А тех, кого сиротство закружило,
С вагонных крыш товарняков сняла,
Назвалась мамой,
И усыновила,
И в отчество Отечество дала.
За колыбель,
За песни ветровые,
За всё добро
Расплатимся сполна.
В святом для сердца имени –
Россия –
Да укрепятся наши имена.

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ

*На открытие будущего памятника герою
Отечественной войны 1812 года
генералу от инфантерии
Алексею Петровичу Ермолову*

Когда душе своей суровой
В Орле пристанище обрёл,
Он произнёс три вещей слова:
Моё Отечество – Орёл!

Ермолов! Из великорусов.
В Орле рождён и погребён.
Его лелеял сам Кутузов!
Боялся сам Наполеон...

Герой ушедших поколений,
Он славу Родине стяжал.
Из чувства редких поклонений
Ему сам Пушкин руку жал.

Образчик мужества и силы,
Перед которым гнулся враг, –
Ермолов – грозный звук России
Сегодня позабытый прах.

Так что же мы себе ответим?
Совсем сотрём его следы?
Каким признанием осветим
Его Отечеству труды?

Историю не пишут снова,
Она не об одном крыле...
Я врезал бы в гранит три слова:
Орлу российскому – в Орле!

***

Если духом поник,
Если точит беда –
Есть в Полесье родник,
В нем живая вода.

Как на праздник души,
Как в святые места –
Ты к нему поспеши –
Если совесть чиста.

Над водою святой
Ты склонись, помолись...
И лицо в ней омой,
И ладонью утрись.

И душа, словно май,
Вспыхнет, веры полна,
Что отеческий край
Не исчерпан до дна.

***

Нет-нет да и вспыхнет во мне забытьё,
Как тайное чьё-то желанье...
Как будто чужое и все же моё
Короткое воспоминанье.
К чему этот знак из далекой дали,
Точней, из военного лета?
Трехлетним гляжу на зелень земли
Сквозь стеклышко синего цвета.
Гляжу я на солнце цветное с крыльца,
Гляжу на заречную пойму...
Не помню я взрывы... не помню отца...
А синее стёклышко помню!

РУССКИЙ КОЛОДЕЦ

Егору Семёновичу Строву

Я побывал в твоём краю...
Прими привет родного края.
Люблю я родину твою,
А Родина – всегда святая!
В твоём селе такая синь...
И ты – хранитель этой сини.
Большой и благодарный сын
Великой матушки-России.
Когда душа не под замком,
Добро всегда в ней отзовётся.
Прими поклон от земляков
И от отцовского колодца.
Глубинный ток живой воды
Не перестанет в нём струиться.
Былого стёрты здесь следы,
Но можно хоть воды напиться.
Здесь матери твоей лицо
Светило в низкие оконца...
И здесь дороже всех венцов
Венцы отцовского колодца.
Ты помнишь детство под огнём,
В кювет уткнувшееся небо...
Землянку... Тени за столом...
И на столе ни крошки хлеба...
Мужского детства даль и высь...
Вот потому, как светом веры,
Ты чёрным хлебом меришь жизнь
И в мире нет точнее меры...
Чернеет тающий февраль.
И скоро зелени открыться...

Как юбилейная медаль,
Звенит в твоём саду синица.
Ты здесь во всём... Ты растворён
Полями, далью, небесами...
И потому, как озарён,
Таковыми синими глазами.
Здесь всё твоё: трава, цветы...
Вся Русь от края и до края.
От зависти и клеветы
Тебя хранит земля родная.
Не всё, не всё пошло на слом...
В твоём краю стоит Россия!
Глядящая бессмертной синью.
Согрета и твоим теплом.
Не предадут тебя поля.
Твоим корням я поклонился...
Благословенная земля!
Благословен, кто здесь родился!

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Зачем мне жить в чужой стране?
Зачем мне рай чужой за морем?
Но как же больно видеть мне,
Как русский человек заморен.
Задёрган русский человек –
Вся жизнь, как на колу мочало.
В Европе двадцать первый век,
У нас двадцатого начало.
Столетие, как перекур...
Такое чувство правит сердцем,
Что только сдали Порт-Артур,
А завтра Брест уступим немцам.
Войну подменят нам виной
Вчерашние контрабандисты:
С собой – гражданскою войной,
С противником – братоубийством.
Не проиграй мы ту войну –
Не потеряли б пол-России.
А вот смотри – храним страну!
И кто тогда из нас бессилен?
Они иль мы... Они иль мы?
И в чём же всё-таки причина –
Не зарекаясь от тюрьмы,
Не зарекаясь от сумы,
Себя раздели, дурачины...
У нас герой – кто за горой,
Но ты представь хоть на минуту,
Что снова в колбе мировой
Или на нашей буровой
Иную нам готовят смуту.
Уже ползёт иная речь...

Противоборствуя нападку,
Нам надо Родину беречь,
Как рой оберегает матку.
Болезнь чужого бытия,
Как распадающийся атом...
Россия, матушка моя,
Не бойся – брат не тронет брата.
И пусть мы в убыли сейчас,
Нас никому не взять на пику.
Россия-мать, в который раз
Мы сохраним тебя великой.

***

Как бы ни был славен и почётен,
Вечность не примеривай к себе.
Ты в своих поступках под отчётом
Господу, Отечеству, Судьбе...

Выходи за них на поединок,
Защищай их, жертвуя собой,
И тогда сольёшься воедино
С Господом, Отечеством, Судьбой.

РУССКИЙ ЛЕС

Вот живое царство истин,
О которых не прочесть.
Хорошо мне в птичьем свете,
Здесь не лезут в душу листья,
Потому, что совесть есть.
Здесь живёт себе кто хочет,
Кто кричит, а кто молчит.
Ворон в ельнике клекочет,
Филин по ночам хохочет,
И родник журчит, журчит.
Кто здесь свой, а кто гостящий?
Над ромашкой шмель жужжит,
Муравей хвоину тащит,
Стрекоза глаза тарашит,
Воздух сетчато дрожит.
Вот и я на мох прилягу,
Как он мягок и белес.
А на кочках столько ягод...
Ты прости меня, бродягу,
Мой учитель, русский лес.
Буду умным, буду глупым.
Здесь, где ветер не угрюм,
Языком листвы не грубым
С высоко шумящим дубом,
Как с царём, поговорю.
Зашумит он, понимая,
Чем живет моя душа.
Русский лес – преддверье Рая,
Всё душою обнимая,
Я хожу здесь без ножа.

Что мне надо – только видеть,
Слышать травы и цветы.
Что здесь можно ненавидеть –
Даже мысли нет обидеть
Эти гнезда красоты.

***

Отчизна! Родина! Россия! –
Мои вершинные слова.
В них неотъемлемая сила,
Тысячелетние права
На то, чтоб жить под русской синью
От русских дел не в стороне.
И жить не пасынком, а сыном
В самодостаточной стране.
Неважно – тихо или громко
Слова звучат тебе окрест.
Они твой посох и котомка,
Они твой жертвенник и крест.
Их свет не вычерпать, не вызнать...
Они от Бога на земле!
Россия, Родина, Отчизна –
Слова в единственном числе.

ГРОМООТВОД

От той дубравы при долине,
От тех незыблемых времен
Лишь дуб остался на вершине,
Закатным солнцем освещен.

В глубинах темных и корявых,
Взрывая новые ключи,
Забыл ли он, дитя дубравы,
Какие затупил мечи?

Противоборствуя невзгодам,
Из века в век свой дух крепя,
Легко ли быть громоотводом,
Когда все молнии – в тебя?

Ни за кого себя не прячет,
Шумит державная краса,
И не одну еще означает
На нем отметину гроза.

ДЕТСТВО

Павлу Кирсанову

Помню детство. Победные флаги.
Гром оркестров на всю страну.
Сколько было в нас юной отваги,
Если мы затевали войну.

Были грозными наши игрушки:
Каска с дыркой, сбитый наган.
От патронов чернели подушки,
Полон пороху каждый карман.

А сегодня я счастлив – и точка.
Это можно прочесть по лицу.
Дочь родилась! Я маленькой дочке
Говорящую куклу несу.

Вот в такой же счастливой тревоге
Майским утром с ватагой ребят
Выбегал я к победной дороге,
Возвращающей с фронта солдат.

Не вернулся отец в сорок пятом...
Постарело у мамы лицо.
Грустно шел я к соседским ребятам
Поглазеть на живых отцов.

Как они за столом восседали –
Крепко, празднично и хмельно.
Сколько б мы с моей мамою дали,
Чтоб вот так же, с отцом заодно.

Многим было в ту пору печально,
Что поделаешь – жребий таков.
– Это чей? Не Петров ли, случайно?
Молчаливо кивали: – Петров.

Память вновь возвращалась к солдатам.
Я сейчас понимаю их мысль:
“Ты вот Лешке теперь станешь братом,
Ты вот с Юркой моим подружись”.

Но война есть война, хоть и детская,
И пощады в ней нет никому.
Безотцовщина горькая, дерзкая
Научила быть первым в доме.

Я у сверстников стал атаманом.
Много было смешно и всерьез,
Но при слове единственном – мама –
Нелегко удержаться от слез.

Здесь и надо поставить мне точку,
Всем законам поэзии вняв.
Но смеется во сне моя дочка,
Говорящую куклу обняв.

***

Разве словом жизнь переиначить,
Разве сердцем зло перетолчешь?
Вот ты и смеёшься, словно плачешь,
Вот и плачешь, словно бы поёшь.

Лучше б ты не слышал и не видел,
Жил бы, очи Божии любя...
Разве никого ты не обидел,
Разве не обидели тебя?

Потому так истомленно-глухо,
С ветром изнеможена в борьбе,
Долетает музыка до слуха,
Словно посвященная тебе.

И тогда по призрачному цвету
С бестелесной дрожью узнаешь
Жизнь, которой не было и нету,
О которой песни не споешь.

***

Мне бы стихи тебе надо прочесть,
Тихо спросить тебя: “Можно?”
Может быть, может быть, это и есть
То, без чего невозможно.
То, без чего не ступить за черту
Милости или прощенья...
Как уберечь мне твою красоту
От моего обольщенья?

***

В творении разнообразном
Живи, живое не губя.
Не уступай себя соблазнам,
Верши свой подвиг для себя.

Живи возвышенно и строго,
Люби свой дом, храни свой край
И никому родного Бога,
Родных святынь не уступай.

В своей любви неизречимой
Стремись туда, где свет течет...
И знай: в дали многоочимой
Тебе еще держать отчет.

***

Однажды он душу свою заспал...
Очнулся, а Родины нет.
Он к прежним святыням губами припал,
Но холод ему в ответ.

Он к матери кинулся – матери нет...
Кто знал его – нет никого.
С тоской посмотрел он на белый свет,
И свет посмотрел на него.

Так зрячие смотрят на путь слепых,
Готовых за свет шагнуть...
Свободный от мертвых и от живых,
Он встал на незримый путь.

Незримые слезы текли с лица,
А может незримый пот.
Это проснулась душа слепца
И к Богу его ведет.

Где Родина детства, любовь и семья,
Где знают – откуда он, чей...
И посох его обвивала змея,
И ворон сидел на плече...

МОЛЕНИЕ О ВИТЯЗЕ

За ушедшего на битву,
За последний русский край
Я шепчу одну молитву:
– Витязь мой, не умирай...

Подрывной волной фугасной
Гнут Россию на излом.
Господи, не дай погаснуть
Русской жизни под огнем.

По крови бежит остуда,
Как от раны ножевой.
Витязь мой, приди оттуда
Невредимый и живой.

Сколько русской крови льется.
Господи, не покидай
Всех, кто бился,
Всех, кто бьется
За последний русский край.

Вот и вся моя молитва
До последнего конца,
Только б слитно,
Только б слитно
Бились русские сердца.

***

Страною правит окаянство...
Всё больше сирот и калек.
Суженьем русского пространства
Закончился двадцатый век.

И хрипнет горло от бессилья,
И душат горькие слова:
Ты повернись лицом к России,
Не раз сожженная Москва.

Мне жизни жаль... Её так мало...
Я б отдал жизнь в конце концов,
За то, чтоб только просияло
России скорбное лицо.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

До свиданья всё, что сокровенно...
Стало меньше над лугами света.
Возом свежескошенного сена
Прокатилось по деревне лето.

Прокатилось лето... Закатилось...
Закричали над полями птицы.
Лишь вчера мне радостное снилось,
А теперь не знаю, что приснится.

Закатилось... Что же мне осталось?
Перелесков розовых остылость.
Так храни оставшуюся малость,
Как большую Божескую милость.

Не дрожи, осенняя осинка,
Мы у жизни все на перекате.
Кто-то машет синею косынкой
На закате лета... на закате.

***

Зачем мне кисти, зачем полотна,
Зачем мне мудрость чужих страниц.
Ведь так отрадно, что так щекотно
Кормить в ладонях своих синиц.

Я зачарован их чудной речью,
Осталось только в слова облечь.
Я научился на человечью
Переводить их синичью речь.

Мои синицы... Я так их слышу...
Осталось только мне птицей стать.
Совсем нетрудно взглянуть повыше —
Взглянуть повыше, как полетать.

***

Анне

Не прекословь... Не прекословь...
Ты знаешь то, с чем нету сладу,
Что только первая любовь...
Дается Господом в отраду...

Она сопутствует всегда
Хоть одному, по крайней мере.
И даже в поздние года
Попробуй не открыть ей двери.

Попробуй сердцем промолчи,
Скажи, о чем мы сожалели,
Когда последние лучи
Ломало солнце на аллее?

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Я вслушиваюсь в сад –
Там перезвоны, стуки...
Превыше всех наград
Земли родные звуки.

Зачем писать стихи –
Сиди, смотри и слушай,
Как сохнут лопухи
И пьёт телок из лужи.

Среди грызни, возни,
Порядка, безобразья –
Попробуй, объясни
Весь смысл многообразья.

Я на бревне сажу,
И грусть меня не точит.
Пойду переспрошу,
О чём петух хлопочет.

***

Придешь ли? Шепнула: – приду...
Прокравшись сквозь темные сени,
Я ждал её в майском саду,
И вот она вышла из тени.

Исчезли и небо и сад,
Беспамятным было мгновенье –
К припухшим губам наугад
Горячее прикосновенье.

Давно никого я не жду
У старых морщинистых вишен.
Но шёпот сладчайший: приду...
Ещё в моей памяти слышен.

***

О Русь-Россия, как разнится
В стихах поэтов образ твой:
Для Гоголя ты тройка-птица,
А Блок назвал своей женой.

Я потому пишу об этом,
Что мне нисколько не смешно.
К таким классическим поэтам
Быть непочтительным грешно.

Своя у каждого Россия!
Но в чёрный день, забыв свое,
Какое сердце не просило
Победы Божьей для неё.

Когда земель её алкали,
Тех, кто на стягах носит ночь,
Соединенными полками
Она отбрасывала прочь!

Россия русским – Берегиня,
“И синь, упавшая в реку”,
И безутешная княгиня
В бессмертном “Слове о полку”.

И для меня как свет в оконце
С рождения до крайних дней
Россия – лик! Россия – солнце
С чертами матери моей!

***

Деревья дорогу Ему уступали,
И солнце спускалось за Ним по холму.
И птицы, которые радостно спали,
Открыли глаза и запели Ему.

И в том, как цвела под луною дорога,
И в том, как цветами смыкались следы, —
Во всём ощущалось присутствие Бога —
В дыхании неба, земли и воды.

Весь мир представал, как большое дыханье,
И радость восторга теснила мне грудь,
И сердцем владели любовь и желанье
Идти в бесконечный Божественный путь...

ПЧЕЛА

Поистерла крылышки пчела
В луговом цветущем бездорожье.
В венчике ромашки умерла,
Как уснула труженица Божья.

А когда просохла тишина
Там, где конь травую сочно хрупал,
Муравей, трудяга как она,
Приволок её под хвойный купол.

Пчелы не волнуются о ней,
И никто её искать не будет.
В лихорадке медоносных дней
Сколько их в свой домик не прибудет...

Без вести пропавшая в лугах –
Жизнь пчелы, как Божия отрада!
Пчелы умирают на цветах –
Лучшей доли и желать не надо.

***

Станиславу Куняеву

Он возник ниоткуда, таинственный миг,
Оборвавший на паузе звуки земные –
Твой серебряный голос сквозь речи живых
Голоса, голоса мне напомнил иные...

Словно с веток посыпались шелест и звон,
И душа задышала немеркнущим светом
От светло поминаемых русских имён
Не озвученных Родиной вещей поэтов.

В этом мире глухом, в этом мире без слов,
В этом мире беззвучном и голом –
Передрев, Рубцов, Соколов, Кузнецов –
Птицы-Сирины русских глаголов.

Серебристое пенье... Серебряный слог...
Твой серебряный голос мне был как свиданье
С перекрестием русских летящих дорог,
По которым уходят в родные преданья...

Твой серебряный голос сквозь речи живых
Прозвучал и, как светлая льдинка, растаял...
Это ты окликал, как последний из них,
Высоко-высоко пролетевшую стаю.

ВИТЮТЕНЬ

Анатолию Загороднему

Витютень стонет: – Вить,
Скоро гнездо мне вить,
Скоро гнездо мне вить.
А дерева нет у меня.
Дерево посадить –
Некому пособить.
Некому пособить...
Где ж ты, моя родня?
Знаю я, какво
Жить без гнезда своего –
Жить без гнезда своего.
Грустно на свете жить.
Дерево посажу,
С птицами я дружу.
С птицами я дружу,
С ними легко дружить.
Витютень снова: – Вить,
Дай мне росы испить,
Дай мне росы испить.
Стань для меня отцом.
Имя твое любить,
Взгляды твои ловить,
Взгляды твои ловить
Я научу птенцов.
Дерево посадил.
Витютеня напоил...
Сел отдохнуть без сил –
Тут и сошлась родня.
Каждый меня хвалил.
С каждым я пригубил...

Имя своё забыл.
А было оно у меня.
Кто я, в какой стране?..
Весь я горел в огне,
Сам становясь огнем.
Спутались свет и тень...
Где ты, мой витютень,
Где ты, мой витютень?
Где мой родимый дом?
Спутались явь и сон...
Птицами был спасен.
Птицами был спасен,
Ввергнутый в забвенье,
Вышел в осенний сад —
Птицы на взгляд летят,
Птицы на взгляд летят,
Имя поют моё!

ГОРНИИ СВЕТЫ...

(откровение на пороге инобытия)

Одни из последних строк в рукописях Виктора Дронникова (август 2008) даны с эпиграфом из стихотворения Ф.М. Тютчева “Накануне годовщины 4 августа 1864 г.”:

“Ангел мой, ты видишь ли меня?”

Ф. Тютчев

*Бьют из облака горнии светы –
Посреди грозовой немоты...
Ангел мой, дай почувствовать, где ты?
Я стою у предвечной черты.
Ангел мой, я несчастый проситель,
Ты меня, белокрылый, прости.
Если ты мой хранитель-спаситель,
Помоги мою душу спасти.
Ей уже на земле не согреться
В отчуждённом гнездовье огня.
Помоги ей на свет опереться
Перед тем, как покинет меня.*

С полным основанием можно предположить, что эта реминисценция вызвана не только простым совпадением обращений к Ангелу. Да и Ангел в стихотворении Тютчева, казалось бы, прежде всего, нежное обращение к возлюбленной Е.А. Денисьевой в канун первой годовщины её смерти: “Друг мой милый, видишь ли меня” (заключительная строка первой строфы).

Но ведь известно, что так называемая “молитвенная лирика”, её побудительные мотивы Тютчева не поддаются однозначной трактовке. У Дронникова – тоже. С одной стороны, это чисто личностное, чувственное, когда молитва осознаётся как форма самовыражения и мироощущения. Совсем иной, надличностный аспект – размышления о необходимости обращения к собственно “молитве”, к вере.

Когда строка обретает характер проповеди-искупления, молитвенного слова о необходимости преодоления безверия, греховности и духовного самоопределения в осмыслении природы, человеческих отношений, истории Отечества, человеческой истории, модели мира... Когда молитва выливается в слово о высоком предназначении самого Слова и даже в попытку осмысления всего Сущего.

Эта первая посмертная книга избранных стихотворений Виктора Дронникова, лауреата многих Всероссийских литературных премий (в т. ч. им. Ф.И. Тютчева), в полной мере позволяет говорить о последовательном присутствии в его творчестве именно “молитвенных” мотивов в гражданской, философской и любовной лирике, о восхождении поэта не только к вершинам поэтического слова, но и к высочайшему гражданскому мужеству, а порой, и самоотречению во имя “моления” об Отчизне, к горному свету духовного совершенства: “Я спал в зелёной колыбели / У птичьей песни на краю, / Когда железные метели / Закрыли Родину мою...” (“Колыбель”, 1966); “...И для меня в полях России / Есть уголок, где ночь светла. / Горят, горят сторожевые / Огни равнинного села...” (“Земля-кормилица”, 1972); “Я жить спешу не праздности в угоду – / Вдруг не успею что-то на веку...” (“Светотень”, 1975); “Я проснулся, а мир сотворён. / Как и в первое утро творенья...” (“За туманом – иней”, 1979); “Дозорный свет невыразим. / В одно мгновение берёзы / Овеет призрачная озарь, / Похожая на звёздный дым...” (“Дозорный свет”, 1985); “Душа земли, как нива сжата – / Ей не молился человек. / Никто через плечо заката / Не заглянул в грядущий век”. (“В пречистом сиянье”, 1993); “Вот она, Родина, / Как на ладони, / С горки зелёной видна...” (“Путь невозвратный”, 1996); “Не люблю я пленённого пения птиц. / Золоченому уху не слышен божественный хаос. / Я учился у вольных щеглов и синиц / Отличать безголосье от ангельских пауз”. / (“Складень”, 2000); “Россия, так кто же тогда не забыт, / Так что же тогда не забыто, / Коль русская мать на коленях стоит / Среди разорённого быта?” (“На птичьих кругах”, 2001).

И, наконец, из последних стихотворений периода 2000–2008: “О, Господи, молю и впредь, / Хоть сквозь пустыню, / Но дай на Родину смотреть, / Как на святыню” (“Какое счастье – совпадать...”); “...И когда завершится мой срок / И придётся держать мне ответ, / Я сложу на великий порог / Сбережённый во странствиях свет”. (“Если можешь глазами вздохнуть...”); “Что же, православные, мужайтесь! / С нами Бог и сам Георгий-витель. / Русские всех стран, соединяйтесь! / Русские всех стран, объединитесь!” (“Я живу на Родине, как в тире...”); “... Русская правда на вере стоит, / На вере и светлом моленье. / И каждый святой на Руси – это щит / И Божие благословенье”. (“Божии старцы”); “Нам надо помнить, / Для какой отваги / Мужчинам плечи крепкие даны...” (“Ровесникам”); “За ушедшего на битву, / За последний русский край / Я шепчу одну молитву: / – Витель мой, не умирай...” (“Моление о витязе”).

У Дронникова, как и у Тютчева в своё время, гражданская молитвенно-проповедническая лирика с особой силой звучит сегодня, в кризисные для России годы как результат осознания катастрофического, трагического развития событий, как призыв к единению нации перед угрозой духовного растрепания и национального бедствия.

Смею поэтому утверждать, что и последнее обращение к творчеству глубоко чтимого поэтом Ф.М. Тютчева в цитируемом стихотворении “Бьют из облака горнии свет...” обусловлено глубоким классическим единством их поэтики, перед которым оказалось бессильным время: почти полтора века земного бытия разделяло их рождение и уход в инобытие. Теперь же, хочется верить, их объединит вечность.

Вот какое откровение, думается мне, открылось Виктору Дронникову у предвечной черты! Вот на какие горние светлы опирается ныне его поэтическая душа! Современниками вот какого Поэта мы были и хотя бы этим останемся в памяти людской!

Геннадий Попов,
ответственный секретарь орловской организации,
сопредседатель Союза писателей России

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. “Колыбель”, стихи. – Тула: Приокское книжное издательство, 1966.
2. “Зелёный купол”, стихи. – Тула: Приокское книжное издательство, 1969.
3. “Перекрёстки”, стихи. – Москва: Молодая гвардия, 1972.
4. “Земля-кормилица”, стихи. – Москва: Современник, 1972.
5. “Светотень”, стихи. – Тула: Приокское книжное издательство, 1975.
6. “За туманом – иней”, стихи. – Тула: Приокское книжное издательство, 1979.
7. “Яблоня”, стихи. – Москва: Современник, 1980.
8. “Дозорный свет”, стихи. – Тула: Приокское книжное издательство, 1985.
9. “Осенняя дубрава”, стихи. – Тула: Приокское книжное издательство, 1990.
10. “Строгая печаль”, стихи. – Москва: РБП, 1993.
11. “В пречистом сиянье”, стихи. – Орёл: Вешние воды, 1993.
12. “Путь невозвратный”, стихи. – Орёл: Вешние воды, 1996.
13. “Складень”, стихи. – Орёл: частный издатель А. Воробьёв, 2000.
14. “На птичьих кругах”, стихи. – Орёл: Вешние воды, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Загородний. “Имя твоё любить...”	5
---	---

Из книги “КОЛЫБЕЛЬ” (1966)

“Лес мой зеленый...”	21
“Есть в предрассветной тишине...”	22
Косы	23
“По глазам туманы – вспомню, да не гляну...”	24
“Давно я здесь не был...”	25
Ледоход	26
“Луг перепутал запахи...”	27
Гроза	28
Лодочник	30
“Мы прозвали его...”	32
Соловей	34
Сопка	36
“Дед свои тайники...”	38
Давай заночуем в Любани	39
“Тетя Люба, наша уборщица...”	40
Пал Палыч	41
Цветы	43
“Я спал в зеленой колыбели...”	44
“В тревожный час...”	45

Из книги “ЗЕМЛЯ-КОРМИЛИЦА” (1972)

“Вот облака летят сухой грядой...”	49
“Листва берез светлее воска...”	50
“Шла девочка слепая по цветам...”	51
“Когда ворочаются сухо...”	52
“Застигнет мгла на самой круче...”	53
“Как удержать тебя, минута...”	54
“Мне страшно узнавать тебя в другой...”	55
“Останьтесь со мною, деревья и травы...”	56

“Как близок мне и дорог...”	57
“Еще гремит ручей овражный...”	58
“И колосу кланялся колос...”	59
“Заметил я, всегда перед весною...”	60
“В метель, в туман...”	61
“После вьюги путь тревожный...”	62

Из книги “СВЕТОТЕНЬ” (1975)

“Прозрачно на тысячу верст...”	65
“В берегах отстоялась вода...”	66
“Он точен был – полет металла...”	67
“Я жить спешу не праздности в угоду...”	68
“Напрасно, белая береза...”	69
Родник	70
Радуга	71
“Искал свою строку...”	72
“Когда звенит морозный дол...”	73
“Жить, жить, жить...”	74
“Пробуждалась, как птица, на ранней заре...”	75
“А в том весеннем дне...”	76
“Представь себе синие тени...”	77
“Вот и выпал первый снег...”	78
Облава (цикл стихотворений):	
– Волк	79
– Охота	81
– Бега	82
– Волчий гон	83
– Облава	84

Из книги “ЗА ТУМАНОМ – ИНЕЙ” (1979)

“Россия, русская земля...”	89
Там...	90
Земля	91
Русское время	92
Пустыня	93
“Свет вершин золотеюще-тусклый...”	94

Июль	95
Учитель	96
За туманом – иней	97
“Первый раз ночует птица...”	98
“Подвластный внезапному мигу...”	99
“Помню маму не солдатскою вдовою...”	100
За водой... ..	101
Березовая межа	102
Родное слово	103
“Промелькни косынкой, в чаще...”	104
“Для мира или для войны...”	105
Утро (“Я проснулся, а мир сотворен...”)	106
Монолог	107
Последний снег	108

Из книги “ДОЗОРНЫЙ СВЕТ” (1985)

“Послевоенные года...”	111
Мотив	112
“Незапамятные даты...”	113
“Возле дощатой ограды...”	114
Хлеб	115
“Ты когда-то радел о народе...”	116
“Нет мира на земле...”	117
Повилика	118
Дозорный свет	119
Легенда о птицах судьбы	120
“Скорбя, негодуя, любя...”	121
Скворечник	122
“Привратник”	123
Жилино	124
Возвращение	125
Гармошка	126
Муравей	127
Новосиль	128
Изморозь	129
Мать	130

Из книги “ОСЕННЯЯ ДУБРАВА” (1990)

“Пусть пахаря солнце застанет на пашне...”	133
“Не чертят вороны круги...”	134
Трава	135
Посох	136
“Над заречною рощею ветер шумит...”	137
“Рожденную вихрем кружиться...”	138
“Любимая, не плачь, что молодость уходит...”	139
Слово	140
Далёкое	141
“Какие-то птицы кричали в ночи...”	142
“Друг мой хороший, друг мой большой...”	143
“Сколько можно дробиться на левых и правых?...”	144
Так бывает	145
“Кто ты? Миру угоден...”	146
“Осело солнце на холмы...”	147
Утро (“Птица запела, и утро пришло!...”)	148
“Красотою единой рожденные...”	149
Путь	150
“Когда зацветают ночные светила...”	151
Печник	152

Из книги “В ПРЕЧИСТОМ СИЯНЬЕ” (1993)

Локно	155
“Порознь живем на земле...”	156
“Стало больше в полях серебра!...”	157
“В эту ночь за окном, сутулясь...”	158
“Милая Родина, что с нами было?...”	159
“Туманный день растет из недр болотных...”	160
“Разучиться бы мне говорить...”	161
“Что ни горка во мраке – то дом без огней...”	162
Исповедь	163
Веснушки	164
На сеновале	165
“Прости мне в пречистом сиянье...”	166
“Я в чувстве своем суверен...”	167

Некогда	168
Шаги	169
“Как в играх детских лет...”	170
“Хочешь познать обман...”	171
“Есть у меня одна...”	172
“Жить на ветру ожесточенья...”	173
Равновесье	174
“Душа земли как нива сжата...”	175
”Утро белого хруста ...”	176

Из книги “ПУТЬ НЕВОЗВРАТНЫЙ” (1996)

“Постой на пороге осеннего дня...”	179
Ворон	180
Там, где горел мой костер	181
“Молнии в небе...”	182
Человек	183
“Есть роща белая. Прохлада...”	184
Шум	185
“Падает снег – от света...”	186
Апрель	187
Кони	188
“Малинником шумно ломился...”	189
“Вот она, Родина...”	190
“Кленовых листьев сотовый багрянец...”	191
Август	192
Долгий свет	193
“Птиц в рябиннике ловить...”	194
Смерть соловья	195
Кольцо	196
Серая пыль	197
Завещание	198
Взгляд	199
О тепле	200
Я заметил...	201
“Скоро-скоро отцветет долина...”	202
Воспоминание о Понырях	203
Театр	204

Читая Бунина	205
Клад	206
В давние годы	207
“Вот она, драма земли...”	208
“Во дни сомнений роковых...”	209
Птичий повелитель	210

Из книги “СКЛАДЕНЬ” (2000)

Запоздалые соловьи	213
“Ушла в соловьиную поросль...”	214
“Кем любима она, кем брошена?... ”	215
Сон	216
“Не люблю я плененного пения птиц...”	217
“Целую ли милые руки...”	218
“Не уложишь в голове...”	219
Петух	220
“Душа моя, не покидай...”	221
Прощание	222
“Стихи полночные звучали...”	223
Белый путь	224
“Опять, как в семнадцатый год...”	225
Тяжёлая земля	226
“Лови меня, мой мир, лови!...”	227
Берег родительский	228
Ветер	229
Трутень	230
“Дом престарелых. Глухая тоска...”	231
Молитва (“Мать Мария, Великая Мати...”)	232
Прощание (“На закате перед образами...”)	233
Огни	234
Натаска	235
Сентябрь	236
Цветы увядают!	237
“Хочешь знать, отчего мне тревожно...”	238
“Пейзаж с дождем...”	239
“Я к мысли одной прихожу беспощадной...”	240

Бабушка Анисья	241
“Всё при мне – вожди менялись...”	242
На пасеке	243
Флейта	244
“Дорога сыра и размыта...”	245
“Ещё вода в реке темна...”	246
Голос	247
Кошка	248
Корова	249
Кожанка	250
Домик над обрывом (поэма)	251

Из книги “НА ПТИЧЬИХ КРУГАХ” (2001)

“Бабочка в комнату тихо впорхнула...”	263
Сказка	264
“В пустом саду и весело и странно...”	265
“Люблю красу твою укронную...”	266
Белый сад	267
Письмо	269
Сирень	271
“А та береза в гуще сада?...”	272
В лесу корабельном	273
Ночная вода	274
Крестик	275
Со стороны	276
“Ограды, ограды, ограды...”	277
Похороны в грозу	278
Вздых	279
Старые мхи	280
Дом Ипатьева	281
Над омутом	282
“Что нового скажешь о поздней поре увяданья...”	283
О тишине	284
Встреча	285
Пожар	286
“Не хватало для глаз высоты...”	287

Озимый клин	288
Плач морей	289
“Стало гибким качание веток...”	290
“Белым на земле бело...”	291
Памяти поэта	292
Венок	293
Схватка	294
Одиночество	295
На чем-то пороге	296
“Что станется с лесом и небом...”	297
Дудочка	298
“Было холодно мне от высокого шума...”	299
“Мы думаем, что жизнь мудрее нас...”	300
Граница	301
“Эта жизнь и нежна и груба...”	302
“После метелей далёко...”	303
“Какой-то странный звук поднял меня с постели...”	304
Весна	305
“Не нахожу покоя днями...”	306

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ (2000–2008)

Затонувший корабль	309
“Во мне любовь и озаренье...”	310
Возвращение	311
“Ни щеглов не слышу, ни синиц...”	312
“Какое счастье – совпадать...”	313
Послание	314
Путь	316
Змея	317
Старуха	318
Венец	319
“От самого себя отстану...”	320
“Чистый лист бумаги...”	321
“Ты слышала? – ночью кричали пролетные птицы?...”	322
“Кто этот мир? И что мы сами?...”	323
“Могилы замшели, как лодки...”	324
“Если можешь глазами вздохнуть...”	325

“Я живу на Родине, как в тире...”	326
Холод	328
Божии старцы	329
“Поэты приходят ко мне во сне...”	330
“Люблю! Люблю! Целую руки...”	331
В День Победы	332
Ровесникам	333
Забытый герой	334
“Если духом поник...”	335
“Нет-нет да и вспыхнет во мне забытьё...”	336
Русский колодец	337
Разговор с самим собой	339
“Как бы ни был славен и почётен...”	341
Русский лес	342
“Отчизна! Родина! Россия!...”	344
Громоотвод	345
Детство	346
“Разве словом жизнь переиначить...”	348
“Мне бы стихи тебе надо прочесть...”	349
“В творении разнообразном...”	350
“Однажды он душу свою заспал...”	351
Моление о витязе	352
“Страною правит окаянство...”	353
Прощание с летом	354
“Зачем мне кисти, зачем полотна...”	355
“Не прекословь... Не прекословь...”	356
Утро в деревне	357
“Придешь ли? Шепнула: – приду...”	358
“О Русь-Россия, как разнится...”	359
“Деревья дорогу Ему уступали...”	360
Пчела	361
“Он возник ниоткуда, таинственный миг...”	362
Витютень	363
Г. Попов. “Горнии светы...”	365
Краткая библиография	368

Виктор Петрович Дронников

ПОД ЗНАКОМ ОРЛА

Избранные произведения

Ответственный за выпуск *А.И. Лысенко*

Редактор-составитель *В.И. Переверзев*

Художник *Н.Я. Силаев*

Технический редактор *А.П. Литюга*

Компьютерная вёрстка *Н.М. Крыжановская*

Корректор *Н.П. Новикова*

Издательство “Вешние воды”. 302000, г. Орел, ул. С.-Щедрина, 1.
Подписано в печать 04.05.2009. Формат 70 x 108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 23,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1200 экз. Заказ ____ .

Отпечатано в ОАО “Типография “Труд”.
302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.